

Томас Майн Рид

Одинокое ранчо

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Томас Майн Рид
Одинокое ранчо (сборник)

«ВЕЧЕ»

1860, 1869

Майн Рид Т.

Одинокое ранчо (сборник) / Т. Майн Рид — «ВЕЧЕ», 1860, 1869 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4444-9240-6

Сороковые годы XIX века выдались бурными в истории Мексики. Во главе государства стоит генерал Лопес де Санта-Анна — человек умный, энергичный, но жестокий и властный, нетерпимый к любому инакомыслию. Молодому американцу Фрэнку Хэмерсли, прибывшему в Мексику по торговым делам, предстоит оказаться в самой пучине неурядиц, охвативших страну, и разгадать тайну странного жилища, спрятанного в самом сердце гибельной пустыни Льяно-Эстакадо. Историко-приключенческий роман «Одинокое ранчо» впервые публикуется на русском языке в полном переводе, сделанном по переработанному и дополненному автором изданию. Сам Майн Рид считал эту книгу своим лучшим произведением. В данный том включена также повесть «Желтый вождь», действие которой происходит на бескрайних просторах Дикого Запада в эпоху золотой лихорадки.

ISBN 978-5-4444-9240-6

© Майн Рид Т., 1860, 1869

© ВЕЧЕ, 1860, 1869

Содержание

Библиография Томаса Майн Рида	6
Желтый вождь	9
Глава 1. Страшное наказание	10
Глава 2. Блэкаддеры	16
Глава 3. Переселение	19
Глава 4. Дикари	23
Глава 5. Предатель	26
Глава 6. Два охотника	31
Глава 7. Прерванный завтрак	36
Глава 8. План	41
Глава 9. Форт Сент-Врен	46
Глава 10. Индейцы и их пленники	51
Глава 11. Возмездие	56
Глава 12. Помощь	62
Глава 13. Открытие	66
Глава 14. Нападение	70
Глава 15. Развязка	74
Заключение	79
Одинокое ранчо, или Повесть о Льяно-Эстакадо	81
Глава 1. «Шляпы долой!»	83
Глава 2. Друг в опасности	86
Глава 3. Полковник-коммандант	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Томас Майн Рид Одинокое ранчо Желтый вождь

© Яковлев А.Л., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Библиография Томаса Майн Рида

Книжные публикации

«Военная жизнь» (War Life, 1849)

«Вольные стрелки» (The Rifle Rangers, 1850)

«Охотники за скальпами» (The Scalp Hunters, 1851)

«Жилище в пустыне» (The Desert Home, 1852)
«Молодые охотники» (The Boy Hunters, 1853)
«Гудзонов залив» (The Young Voyageurs, 1854)
«Изгнанники в лесу» (The Forest Exiles, 1854)
«У охотничьего костра» (The Hunter's Feast, 1855)
«Белый вождь» (The White Chief, 1855)
«В дебрях Южной Африки» (The Bush Boys, 1855)
«Юные охотники» (The Young Yagers, 1856)
«Квартеронка» (The Quadroon, 1856)
«Тропа войны» (The War Trail, 1857)
«Охотники за растениями» (The Plant Hunters, 1857)
«На невольничьем судне» (Ran Away to Sea, 1858)
«Оцеола, вождь семинолов» (Oceola, 1859)
«Морской волчонок» (The Boy Tar, 1859)
«Лесные бродяги» (The Wood Rangers, 1860) – переработка романа Г. Ферри
«Охотник на тигров» (A Hero in Spite of Himself, 1861) – переработка романа Г. Ферри
«Отважная охотница» (The Wild Huntress, 1861)
«Охотники на медведей» (Bruin, 1861)
«Мароны» (The Maroon, 1862)
«Дары океана» (The Ocean Waifs, 1863)
«Эндрю Деверел» (Andrew Deverel, 1863) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн Рида
«Ползуны по скалам» (The Cliff Climbers, 1864)
«Белая перчатка» (The White Gauntlet, 1864)
«Пропавшая сестра» (Lost Lenore, 1864) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн Рида
«Возвращение к цивилизации» (Left to the World, 1865) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн

Рида

«Молодые невольники» (The Boy Slaves, 1865)
«Всадник без головы» (The Headless Horseman, 1865)
«Бандолеро» (The Bandolero, 1866)
«Водой по лесу» (Afloat in the Forest, 1867)
«Охотники за жирафами» (The Giraffe Hunters, 1867)
«Вождь гверильясов и другие истории» (The Guerilla Chief and Other Tales, 1867)
«Жена-дитя» (The Child Wife, 1868)
«Беспомощная рука» (The Helpless Hand, 1868)
«Остров дьявола» (The Planter Pirate, 1868)
«Белая скво» (The White Squaw, 1868)
«Желтый вождь» (The Yellow Chief, 1869)
«Скитальцы Борнео» (The Castaways, 1870)
«Одинокое ранчо» (The Lone Rancho, 1871)
«Перст судьбы» (The Finger of Fate, 1872)
«Смертельный выстрел» (The Death Shot, 1873)
«Кубинский патриот» (The Cuban Patriot, 1873)
«Сигнал бедствия» (The Flag of Distress, 1876)
«Гвен Уинн» (Gwen Wynn, 1877)
«Черный мустангер» (The Wild-Horse Hunters, 1877) – автор Ф. Уиттекер, под ред. Т.

Майн Рида

«Золотой Браслет» (The Cadet Button, 1878) – автор Ф. Уиттекер, под ред. Т. Майн Рида
«Гаспар-гаучо» (Gaspar the Gaucho, 1879)
«Королева озер» (The Captain of the Rifles, 1879)

- «Американские партизаны» (The Free Lances, 1881)
- «Охота на левиафана» (The Chase of Leviathan, 1881)
- «Огненная земля» (The Land of Fire, 1884)
- «Затерявшаяся гора» (The Lost Mountain, 1885)
- «Переселенцы Трансвааля» (The Vee-Boers, 1885)
- «Пронзенное сердце и другие истории» (The Pierced Heart and Other Stories, 1885)
- «Без пощады!» (No Quarter! 1888)

Желтый вождь

Глава 1. Страшное наказание

– Под насос его! Живее! Вкатить негодяю двойную порцию!

Так повелительным и до крайности раздраженным голосом кричал восемнадцатилетний Блонт Блэкаддер, сын эсквайра Блэкаддера, владельца обширной хлопковой плантации в штате Миссисипи, близ Висксбурга. Тот, к кому обращалось это приказание, был старшим надсмотрщиком плантации. Тот же, которого Блонт приказывал подвергнуть одной из самых ужасных пыток, был молодой мулат, одних лет с Блонтом, такой же высокий, сильный и красивый, как последний, только смуглее, с целой копной черных курчавых волос на голове и с громадными черными глазами, жгучими как угли.

Дело происходило за несколько лет до уничтожения рабства в Америке, и этот мулат был одним из невольников Блэкаддера.

Чем же, однако, он заслужил такое страшное наказание? Но прежде скажем несколько слов о самом наказании.

Читатель ошибается, если думает, что окатить кого-нибудь из насоса – не более чем шутка. Действительно, если производить эту операцию только несколько секунд, то, разумеется, в этом нет ничего ужасного, но если непрерывно лить человеку на голову струю воды довольно продолжительное время, то это уже обращается в невыносимую пытку, по сравнению с которой даже наказание палками и плетью – простая забава.

Человек может кричать от боли, когда его тело раздирается кожаными ремнями или бамбуковой палкой, но страдания, причиняемые непрерывно льющейся на голову ледяной водой, становятся нестерпимыми. Создается такое ощущение, как будто в мозг сразу вонзается множество раскаленных стрел, и злополучная жертва переживает одну за другой буквально тысячу смертей.

По виду наказания можно было предположить, что Синий Дик – так звали провинившегося – совершил очень серьезный проступок.

Так как надсмотрщик Снайвли не знал, в чем состояло преступление Синего Дика, то решил осведомиться об этом у Блонта.

– Это дело мое, а вы обязаны только исполнять мои приказания! – резко ответил ему хозяин.

– Это так, мастер, но...

– Пожалуйста, без рассуждений! Раз я нахожу нужным наказать этого бездельника, значит он этого заслужил. Говорят вам, под насос его! Сейчас же!

– Не лучше ли будет подождать возвращения вашего отца, мастер? Мне кажется...

– Когда нет отца, его заменяю я. Надеюсь, вам это известно, мистер Снайвли?

– О да, конечно, но...

– Пожалуйста, чтобы я больше не слышал от вас никаких «но»! Делайте, что вам приказывают! Раз я вам говорю, что этот негодяй заслужил такое наказание, то можете быть уверены – это действительно так. Что же касается отца, то я всегда готов ответить перед ним за свои поступки, и вам об этом заботиться нечего.

Молодой плантатор так и не назвал проступка, который совершил Синий Дик, и за который могла бы полагаться такая пытка. Причиной такого упорства могло быть только таившееся в глубине его души сознание, что он неправ и, отдавая такое бесчеловечное приказание, повинуетя лишь голосу низкой мести.

И действительно, гнев его на Синего Дика был вызван ревностью, а надуманное наказание – местью.

Дело в том, что на плантации среди других невольниц находилась молодая красивая квартиронка¹, с которой с некоторого времени Синий Дик стал обращаться что-то уж слишком нежно, между тем как сын их господина, Блонт Блэкаддер, давно любил ее. Поэтому не трудно понять, каковы должны были быть последствия подобного соперничества.

Честное чувство Синего Дика было отвергнуто молодой красавицей, носившей поэтичное имя Сильвия. Вместо того, чтобы повиноваться голосу сердца, квартиронка стала прислушиваться к шепоту тщеславия: ее ужасала перспектива оставаться вечно рабыней, пусть даже с любимым и любящим мужем, тогда как страсть господина сулила ей если и не полную свободу, то возможность сделаться на плантации влиятельной особой и жить в полное удовольствие.

Синий Дик предложил Сильвии стать его женой. Она ответила резким отказом, хотя до тех пор довольно благосклонно принимала его робкие ухаживанья. Пораженный таким неожиданным поведением Сильвии и не зная его причины, мулат высказал ей несколько горьких упреков. Сильвия пожаловалась на него Блонту, и тот накинулся на своего невольника с грубой бранью и угрозами. Выведенный из терпения и тут только понявший в чем дело, мулат настолько забылся, что высказал своему господину несколько резких, сильно взбесивших его слов.

Такова прелюдия той сцены, с которой мы начали наш рассказ.

Мистер Снайвли не был дурным человеком, насколько это допускалось его должностью надсмотрщика над невольниками, когда гораздо чаще приходится наказывать, чем вознаграждать эти несчастные существа. Гуманный и справедливый, он часто спускал невольникам мелкие провинности, о которых знал только сам, и нередко заступался за них перед хозяевами, младший из которых, Блонт, был очень горяч и необуздан.

Но Снайвли все-таки слишком дорожил своим положением, чтобы жертвовать им ради бесполезной игры в великодушие, поэтому в серьезных случаях не решался открыто пойти наперекор воле хозяев. Притом он и сам был убежден в невозможности управлять невольниками без наказаний. Если иногда хозяева были чересчур требовательны, то зачастую и невольники позволяли себе такие выходки, что очень трудно было с ними справляться — гораздо труднее, чем с домашними животными, с которыми рабы в те грустные времена стояли на одной ступени.

Кроме того, Снайвли не особенно любил Синего Дика, смотрел на него, как на ленивого и полного мятежных мыслей субъекта, который может самым дурным образом повлиять на своих товарищей.

Получив уверение от Блонта, что тот лично ответит перед отцом за свое распоряжение подвергнуть Синего Дика самому жестокому наказанию, надсмотрщик более не считал себя вправе отказываться от исполнения приказа.

Описываемая сцена происходила на открытом дворе, замыкаемом только с одной стороны рядом конюшен, позади главных зданий плантации.

Посредине двора находился насос, облицованный почерневшим от времени дубом; рычаг этого насоса был так велик и массивен, что только самый сильный человек мог поднимать и опускать его в течение нескольких минут.

Вода, поднимаемая насосом, падала с высоты пяти футов в большое деревянное корыто, служившее для водопоя лошадей и прочих домашних животных.

Корыто всегда было наполовину заполнено водой. Принимая во внимание палящий зной, который царит в долине Миссисипи, следовало предположить, что вид этого примитивного бассейна должен был радовать обитателей плантации. Но невольники мистера

¹ То есть представительница смешанной расы, на четверть негритянка.

Блэкаддера смотрели на это приспособление с тем же ужасом, с каким приговоренный к казни смотрит на эшафот.

Более половины несчастных существ в разное время перебивали под насосом, светлые струи которого в течение долгих минут впивались в их черепа подобно железным гарпунам.

Это наказание стало применяться на плантации Блэкаддеров особенно часто с тех пор, как там начал распоряжаться Блонт.

Мистер Снайвли знаком подозвал к себе нескольких самых сильных негров и передал им приказание молодого господина. Негры выказали полнейшую готовность произвести требуемую экзекуцию, так как это касалось Синего Дика.

Молодой мулат не пользовался симпатией у обитателей плантации. Сами негры смотрели на него косо: им казалось, что он добивается власти над ними. А происходило это потому, что будучи полубелым, Синий Дик был слишком горд, чтобы близко сходитьсь с неграми, и всегда относился к ним с высокомерной презрительностью.

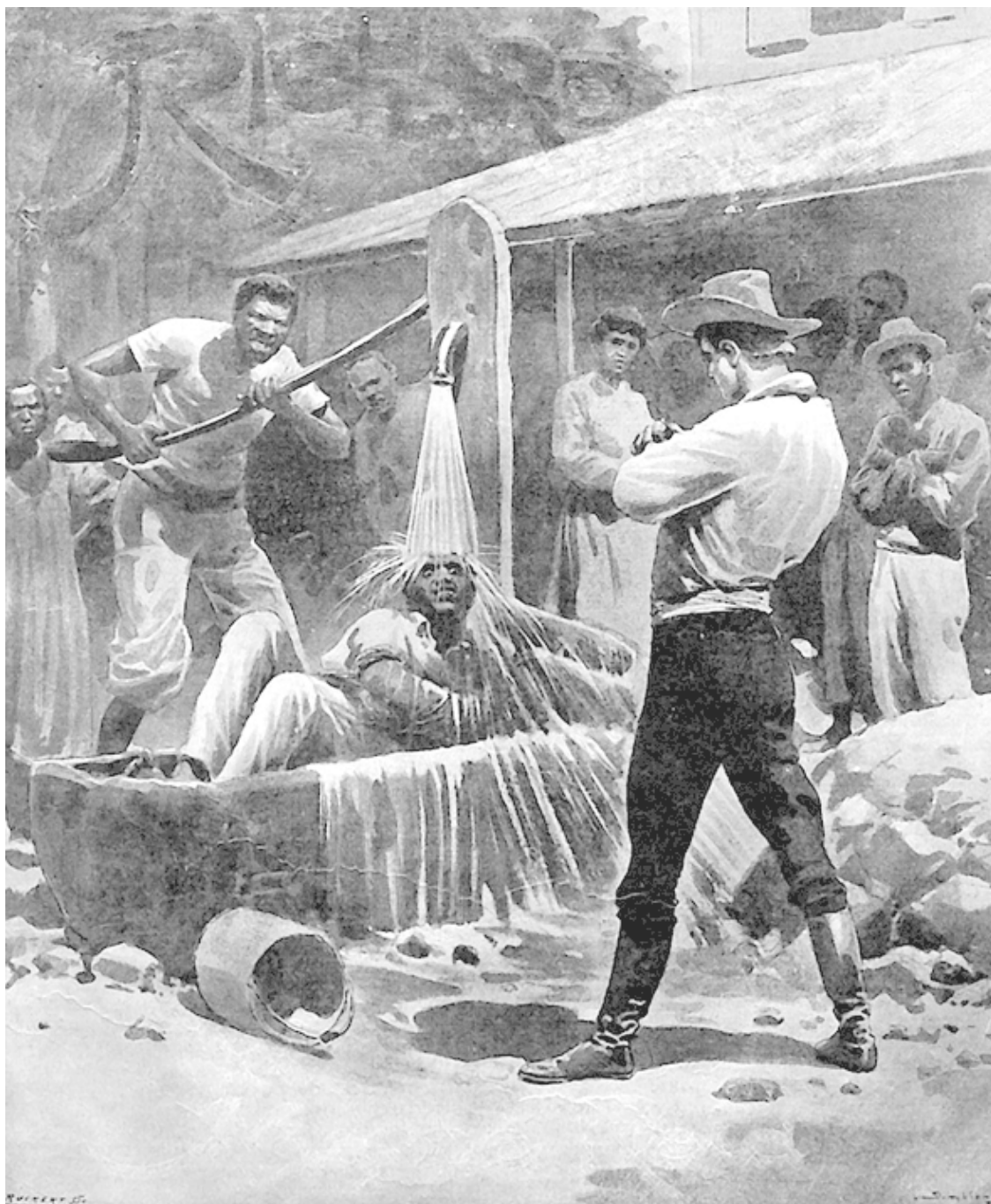
Синий Дик в первый раз подвергался тяжелому наказанию, но нередко подводил под него товарищей, обвиняя их в непокорности, хотя сам чаще других бывал виноват в непослушании. Но старый Блэкаддер почему-то многое прощал ему, что делало мулата более смелым и заносчивым.

Негры прежде всего требуют справедливости, и предпочтение, оказываемое Синему Дику, такому же невольнику, как они, сильно возмущало их восприимчивые души.

Не скрывая своей радости по поводу того, что, наконец-то и гордый Синий Дик будет поставлен в равное положение, негры, которым Снайвли приказал вести мулата к насосу, приблизились к своему нелюбимому товарищу.

Двое из них подхватили мулата за плечи, двое – за ноги и понесли к насосу. Они положили его в корыто и крепко привязали к железным перекладинам так, что голова Синего Дика очутилась как раз под краном. После этого привязали и голову, чтобы он не мог ее повернуть: при малейшем движении его задушили бы сжимавшие шею ремни.

– Хорошо! – крикнул молодой Блэкаддер. – Теперь можете оставить его. – Затем, обратившись к громадного роста негру, ожидавшему приказания у рычага насоса, добавил: – Валяй, Бланко! Задай ему двойную порцию! Не жалея воды!

– *Валяй, Бланко! Задай ему двойную порцию! Не жалея воды!*

Бланко, походивший скорее на хищного зверя, чем на человека, уже несколько раз подвергался такому наказанию. Окалив зубы в злорадной усмешке, доказывавшей, что он хорошо знаком с тем, что сейчас придется вытерпеть ненавистному мулату, негр поспешил привести насос в действие.

Выкачиваемая сильными руками, вода хлынула мощной струей на череп мулата, ударяя прямо в темя, что было особенно мучительно.

Толпившиеся вокруг негры, покатываясь от дикого хохота, изощрялись в злых и грубых остротах над своим злополучным товарищем.

Бедному Синему Дику было больно не столько от насмешек негров и от самого наказания, сколько от того, что он заметил среди зрителей Сильвию, очевидно, тоже любовавшуюся его позором и страданиями.

Слух о том, что мулата приговорили к наказанию водой, привлек всех негров обоего пола, так что вокруг места экзекуции вскоре собралась большая толпа, из которой никто не пожалел мулата; все одинаково хохотали и осыпали несчастного насмешками, со зверской жестокостью наслаждаясь его мучениями.

Явились даже белые обитатели господского дома, среди которых особенно выделялась Клара Блэкаддер, сестра Блонта, девушка лет двадцати, очень миловидная, нежная и изящная.

Стоя на балконе дома, эта прелестная молодая особа глядела на ужасную сцену пытки невольника с таким убийственным равнодушием, точно присутствовала в театре на представлении какой-нибудь банальной комедии, сюжет которой ей давно известен.

Что же касается лица брата этой красавицы, то оно далеко не было таким невозмутимым, как у нее: на нем, напротив, выражалось столько жестокой радости и злобного торжества, что посторонний наблюдатель ужаснулся бы при взгляде на это лицо.

Действительно, страшно было смотреть на этого юношу и на его ровесника-невольника, из которых первый торжествовал победу деспотизма, а второй терпел двойную пытку – физическую и моральную. Тот же наблюдатель сразу подметил бы странное сходство между этими двумя молодыми людьми, несмотря на огромную разницу в их общественном положении.

Не будь у мулата такой смуглой кожи и таких курчавых волос, он мог бы показаться двойником Блонта Блэкаддера, до такой степени много было общего в чертах их лица и во всей фигуре.

Впрочем, в данную минуту это сходство не так бросалось в глаза, потому что под воздействием страшной пытки физиономия мулата была искажена до неузнаваемости.

Сквозь густую струю воды, непрерывным потоком стекавшую по лицу истязуемого, зрители ясно могли различить его неподвижный взгляд, полный жгучей ненависти, устремленный на всю эту бездушную толпу, наслаждавшуюся его страданиями и позором.

Через водяной занавес видны были и посиневшие губы, особенно страшно искривившиеся, когда он заметил в толпе Сильвию.

Это придало ему еще больше мужества. Он собрал все свои силы и не только не просил о пощаде, но даже не издал ни одного звука, несмотря на то, что испытываемые им страдания от бившей в темя воды были выше человеческих сил.

Только тело его судорожно извивалось, и он все время рисковал быть задушенным накинутаю ему на шею ременной петлей.

Наконец, один из присутствовавших негров, не раз сам испытывший то, чему подвергался теперь несчастный мулат, не выдержал и крикнул, что пора бы прекратить пытку. Остальные негры замахали на него руками, но Снайвли воспользовался предложением. Приказав Бланко остановиться, он спросил Блонта:

– Не довольно ли на этот раз, мастер?

– Нет еще! Нет, черт вас возьми! – злобно закричал молодой человек, к счастью, не слышавший замечания того негра, иначе он приказал бы и его положить под насос.

– Однако, мастер...

– Прошу не рассуждать! Я сказал, что он должен получить двойную порцию, следовательно, не может быть никаких возражений!

Между неграми поднялся слабый ропот, который должен был напомнить молодому Блэкаддеру если не о самоуважении, то хотя бы о жалости. Но это еще более вывело его из себя, и он прикрикнул на них:

– Молчать, дурачье! Разве вы забыли, что этот негодяй никогда не заступался за вас? Ну да ладно, пусть будет довольно на этот раз, – вдруг прибавил он, стараясь овладеть собой и вспомнив, очевидно, об отце. – Но предупреждаю, что при первом же его неповиновении, при малейшей строптивости я прикажу продолжать пытку до тех пор, пока его толстый череп не продырявится как сито!

Выразив таким образом дрожащим от злобы и ненависти голосом свои благородные чувства, молодой человек повернулся на каблуках и, мимоходом улыбнувшись Сильвии, прошел прямо на балкон к своей сестре.

Снайвли поспешил отдать приказание развязать злополучного мулата. Последний закрыл глаза, как только ушел его враг, а когда его развязали, остался лежать неподвижно, что, впрочем, было не удивительно после перенесенной пытки.

Весь посиневший, еле дышавший, Синий Дик казался умирающим. Снайвли приказал отнести его в ближайший сарай и осторожно положить там на солому.

Зрители разошлись, и каждый возвратился к своему делу.

Блонт Блэкаддер угрожал мулату при первом удобном случае окончательно добить его пыткой под насосом, но этого случая ему не суждено было дожждаться. На третий день после описанного события Синий Дик исчез с плантации. Товарищи, носившие ему в сарай хлеб и воду, говорили, что он двадцать четыре часа пролежал без движения, не прикасаясь к еде, не говоря ни одного слова, даже не издавая ни малейшего звука.

Он исчез бесследно. Через некоторое время после побега в одном из углов двора нашли труп Сильвии. Маленькая головка красавицы-квартиронки была разрублена пополам. Возле трупа валялся острый топор: очевидно, орудие убийства.

Из всех обитателей плантации не было никого, кто хотя бы на минуту усомнился в том, что убийцей был Синий Дик. Всем хорошо была известна привязанность молодого мулата к Сильвии; все видели его отчаяние при вести, что он имеет соперника в лице молодого господина; ни для кого не оставалось тайной и то, что именно побудило Блонта Блэкаддера подвергнуть Синего Дика такой страшной пытке.

Поэтому преступление мулата никого не удивило. Один из негров, особенно хорошо знавший его характер, при виде трупа Сильвии невольно воскликнул:

– Дай Бог, чтобы месть Дика не пошла дальше!

Самые тщательные поиски следов бежавшего мулата не привели к успеху, несмотря на то, что в них принимали деятельное участие все соседние плантаторы и колонисты. Даже ищейки – эти страшные, кровожадные собаки, которых плантаторы держали специально для охоты за беглыми невольниками – и те не могли напасть на след беглеца, что казалось невероятным, так как животные обладали удивительно тонким чутьем.

Синий Дик словно провалился сквозь землю.

Глава 2. Блэкаддеры

Во всех Соединенных Штатах невольничество нигде не было таким тяжелым, как в той области, которая тянется вдоль Миссисипи и для краткости называется просто «Берегом».

В землях, расположенных к востоку от Аллеганской горной цепи и ранее других населенных европейцами, невольничество имело смягченные формы благодаря патриархальным нравам плантаторов и туземцев. То же самое можно сказать относительно штатов Кентукки и Теннесси.

В некоторых областях Луизианы, где преобладало благотворное влияние мягкосердечных и снисходительных креолов, невольникам также жилось неплохо.

Но в большей части той же Луизианы и на обширных плантациях хлопчатника и табака Миссисипи дело обстояло совершенно иначе.

Большинство собственников этих областей проживали на своих плантациях только часть года, месяцев пять-шесть, предоставляя в остальное время управление плантациями и надзор за неграми наемному управляющему или надсмотрщику. Пользуясь неограниченными административными правами, этот заместитель хозяина был крайне требователен и, по обыкновению, чрезвычайно жестоко обращался с подчиненным ему «двуногим домашним скотом», как подобные люди презрительно называли невольников.

Кроме того нужно сказать, что немногие из плантаторов были коренными уроженцами тех местностей, в которых находились их земли; преобладающее же большинство были выходцами не только из Северных Штатов Америки, но и из всех стран света. Эти иммигранты или с самого начала ничего не имели на своей родине, или же, промотав там свое состояние, явились в Новый Свет с целью нажиться за счет несчастных негров, каторжный труд которых оплачивался очень дешево и поэтому приносил громадную выгоду. Само собой разумеется, что за редким исключением, это были люди самых дурных правил, лишенные чести, совести и сердца.

Понятно, что они не могли смотреть на невольников иначе, как на живые машины, или как на особый род домашнего скота. Нисколько не заботясь о нравственных и материальных потребностях невольников, даже обыкновенно совсем отрицая оные, они думали лишь о том, чтобы извлечь из своих рабов как можно большую выгоду.

Но не все плантаторы Миссисипи и юга были таковы; среди них попадались и такие, которые обращались со своими невольниками весьма человечно и даже баловали их. Если же большая часть рабовладельцев и отличалась жестокостью и бездушием, то вовсе не в силу природного бессердечия или злобы, а просто вследствие дурного воспитания и глубоко укоренившегося мнения, что с неграми необходимо обращаться как можно суровее. При этом нужно принять во внимание глубоко укоренившуюся уверенность в превосходстве белой расы над всеми остальными.

Может быть и мы с вами, дорогой читатель, были бы не лучше их, если находились на их месте в данных условиях и обстоятельствах.

Но как бы то ни было, суть дела в том, что среди плантаторов Миссисипи было чрезвычайно мало людей, которые отличались бы благородным образом мыслей и мягким, сострадательным сердцем.

Дурная слава о миссисипских плантаторах была так велика и так прочно укоренилась, что часто стоило только пригрозить провинившемуся негру в Виргинии, Кентукки или Теннесси, что его продадут в Миссисипи, как он тотчас же делался «шелковым» и старался искупить свою вину.

В конце концов, само слово «Берег» сделалось пугалом для всех негров.

Плантатор Блэкаддер был выходцем из штата Делавэр. Поссорившись из-за чего-то с родными, он еще молодым человеком перебрался в штат Миссисипи, где ему удалось приобрести у одного индейского племени громадный участок земли. Черствый, алчный, ничего не стеснявшийся, он во многом способствовал дурной славе той области, в которой стал развивать свою деятельность.

Хотя он очень быстро обогатился, ему все-таки не удавалось сделаться своим в среде местной плантаторской аристократии, чего он сильно добивался.

Убежденный, что настоящее благородство состоит именно в деспотизме относительно подчиненных, Блэкаддер старался отличаться беспощадной жестокостью к тем несчастным существам, которых злая судьба дала ему в руки.

Впрочем, здесь необходимо пояснить, что большинство невольников Блэкаддера очутилось в его власти лишь благодаря своим дурным порокам и крупным недостаткам, из-за которых они и были проданы в штат Миссисипи.

Блэкаддер при покупке невольников обращал главное внимание на их возраст, рост и физическую силу, никогда не справляясь о характере и способностях. Был бы негр не старше средних лет, высокий, здоровый и крепкий, а до остального Блэкаддеру не было никакого дела. Поэтому его «армия», как он иногда в шутку называл своих рабов, и была предметом ужаса для всех соседних плантаторов, хотя и их собственные невольники были тоже далеко не из образцовых.

Блэкаддер смело мог похвалиться изумительными результатами деятельности своей «армии», которая была у него вымуштрована не хуже настоящих солдат. В этом не было ничего удивительного, если принять во внимание, что он всегда применял самые крутые меры для подавления в невольниках всякой строптивости.

Кроме того, эсквайр Блэкаддер имел вполне подходящего помощника в лице своего земляка, мистера Снайвли, отличавшегося строжайшей исполнительностью.

Естественно, что при таком хозяине и соответствующем ему заместителе на плантации не было ни одного негра, тело которого не имело бы следов побоев и пыток.

Мало того, Блэкаддер иногда даже калечил негров, конечно, только так, чтобы это не лишало их возможности работать. Например, стоило какому-нибудь чернокожему Помпею или Сципиону пожаловаться, чтобы избавиться от трудной работы, на зубную боль, как ему тотчас же выдергивали несколько зубов, хотя бы совершенно здоровых и крепких.

Понятно, что при такой дисциплине плантация Блэкаддера процветала и приносила хороший доход. Но несмотря на это, собственник ее начинал понемногу разоряться.

Главной причиной этого был его единственный сын Блонт, с которым мы уже имели случай познакомиться. Этот молодой человек был не только злонравен, ленив, буен и развратен, но крайне расточителен. Последнее-то и огорчало отца, на остальное он смотрел сквозь пальцы. Компанию Блонт водил только с самыми дурными представителями окрестной молодежи, а петушинные бои, конные бега и охота были его любимыми развлечениями. Особенно он любил азартную карточную игру. Но все, что хоть издали напоминало настоящее дело, вызывало в Блонте непреодолимое отвращение – конечно, только если это дело возлагалось на него самого, потому как к другим он был очень требователен.

Блонт сильно походил на своего батюшку, поэтому Блэкаддер поневоле закрывал глаза на все недостойные проделки сына и, вспоминая собственную бурную молодость, все ему прощал. У старика не было другого сына и наследника, и он очень любил Блонта.

В сущности очень скупой, он никогда не отказывал сыну в деньгах, хотя отлично знал, куда и на что они идут. Но, будучи таким щедрым для сына, плантатор отличался крайней скупостью по отношению к дочери Кларе и часто лишал ее самого необходимого.

Клара, которой было около двадцати лет, не только отличалась удивительной красотой, но и обладала некоторыми нравственными достоинствами, придававшими ей особую прелесть.

Осуждать ее за равнодушное отношение к производимой над Синим Диком экзекуции не стоило: во-первых, она не подозревала, как мучителен был примененный к нему способ наказания, а, во-вторых, не чувствовала ни малейшей симпатии к этому мулату. Кроме того, она так привыкла видеть подобные сцены, что они и не могли производить на нее особенного впечатления.

Вырасти Клара Блэкаддер в другой среде и обстановке и не будь ей с детства внушено, что невольники – не люди, а только живые машины, она, наверное, сделалась бы совершенством в полном значении этого слова, так как природа одарила ее всеми необходимыми качествами. Но судьба пожелала, чтобы Клара родилась и выросла на плантации у Блэкаддера, и этим все сказано.

Многие заметили, что в последнее время прекрасная Клара сильно изменилась; бледная, печальная и унылая, она ходила, повесив голову. Не замечали этого только ее отец и брат, то есть те, кого это больше всего касалось.

Причиной грусти молодой девушки было то, что ей назначили в мужа не того, кого избрало ее собственное сердце. У молодых девушек во всех частях света это всегда главная причина печали.

Избранника мисс Клары природа наделила всеми качествами, способными пробудить в женщине любовь. Он был не только очень красив, но и хорошо образован и интеллигентен, а это представляло тогда большую редкость в Америке. Впрочем, он и не был американцем: говорил, что родился в Ирландии, хотя в действительности никто не знал его настоящего происхождения; не знали даже, откуда он явился в долину Миссисипи. Но при всех своих достоинствах молодой человек был беден.

Отец и брат Клары не захотели бы и слышать о ее избраннике. Она хорошо знала это и тщательно скрывала свое чувство к молодому иностранцу.

Как-то раз ирландец решил намеренно намекнуть старику Блэкаддеру на то, что почел бы за счастье породниться с ним, потому как любит Клару и знает, что она тоже любит его. Молодой человек получил в ответ тоже только намек, но такой оскорбительный, что с тех пор больше никогда не показывался на плантации. Клара узнала, что он покинул штат Миссисипи.

Если бы молодая девушка могла предугадать, чем кончится беседа ирландца с ее отцом, то сумела бы удержать его наперекор отцу и брату. Но он исчез неизвестно куда, и Кларе ничего не оставалось, как только бесплодно тосковать о нем.

Когда молодая девушка стояла на балконе, она думала об отсутствующем ирландце, а вовсе не о том, что происходило перед ее глазами. Даже сенсационная новость об убийстве ее горничной Сильвии и бегстве Синего Дика не в состоянии была надолго отвлечь ее мысли от того, кто унес с собой в неизвестную даль ее сердце.

Как и предвидел Снайвли, старик Блэкаддер выразил сильное неудовольствие, когда узнал, какому наказанию был подвергнут мулат, пользовавшийся его исключительным благоволением.

Драма же, явившаяся последствием этого наказания, произвела на старика потрясающее действие.

– Ах, Снайвли, Снайвли, старый друг и товарищ! – вскричал он, побледнев и дрожа от волнения. – Неужели правда, что рано или поздно нам приходится расплачиваться за все свои ошибки?

– Должно быть, что так, – пробормотал Снайвли, отлично знавший всю предшествовавшую жизнь Блэкаддера. – Да, кажется, что так, – со вздохом повторил он, глядя куда-то в сторону.

Глава 3. Переселение

Прошло пять лет после описанных событий, которые служат как бы прологом к нашему рассказу. В течение этого времени на плантации Блэкаддера не произошло ничего приметного, только участились практиковавшиеся там наказания невольников. Полосование спин несчастных негров бичами, окатывание водой из насоса и тому подобные способы предназначались для того, чтобы заставить невольников работать до полного изнеможения.

Но дела Блэкаддера продолжали ухудшаться, и главной причиной этому был его сын.

Молодой человек окончательно предался разгулу и вытягивал у отца все, что только можно было вытянуть. Мало того, он втихомолку начал даже занимать деньги под имущество родителя и продавать в его отсутствие невольников за ту цену, какую давали. Таким образом, количество рабочих рук на плантации стало убывать, и обработанные участки земли делались все меньше и меньше.

Благодаря этому поля, покрытые прежде прекрасным хлопчатником, начали зарастать сорными травами, а машины, служившие для обработки хлопка, стали покрываться ржавчиной.

Так продолжалось в течение пяти лет. Но вот, в один прекрасный день на плантации начали происходить перемены, которые произвели сенсацию во всем округе.

Перемены выразились в том, что не только господский дом, но и все остальные здания и пристройки были отремонтированы, а поля снова начали покрываться богатой растительностью, благодаря усердной и умелой их обработке.

В поселке негров и во внутреннем дворе господского дома происшедшая перемена была еще поразительнее: вместо встречавшихся там прежде угрюмых, изможденных, исполосованных бичом и едва прикрытых зловонными лохмотьями негров теперь весело суежилась толпа молодых, красивых, сильных и жизнерадостных людей с круглыми черными лицами или же с красивыми бронзовыми, напоминавшими древние статуи. Эти люди щеголяли в новых полосатых панталонах и в накинутых на плечи ярко-красных плащах-пончо.

Вместо прежних криков, проклятий и угроз, вместо свиста бича и шума беспрерывно выкачиваемой воды, вместо стонов и воплей наказываемых, теперь повсюду слышались только взрывы веселого смеха и оживленная болтовня, а по вечерам на большом дворе водили хороводы под звуки незамысловатого банджо, или какой-нибудь негр-самбо, взбравшись на возвышение, затягивал одну из наивных песен своей жаркой родины, причем припев после каждого куплета подхватывался всеми присутствовавшими мужчинами, женщинами и детьми.

Иногда же кто-нибудь из наиболее красноречивых выступал вперед и принимался рассказывать что-нибудь смешное, что так любят негры – эти большие дети, обладающие при благоприятных условиях неисчерпаемым запасом юмора.

Спешим добавить, что этот веселый самбо был не тот негр, который играл роль палача при наказании Синего Дика, потому что не только собственник плантации, но и надсмотрщик были уже другие и, вообще, из всех прежних обитателей не осталось ни одной души.

Деспота Блэкаддера сменил плантатор из «патриархальных». А что касается первого, то он удалился со всем своим семейством. Благодаря своему неумелому хозяйничанью, жестокости к невольникам и потворства бездельнику-сыну, Блэкаддер окончательно разорился и вынужден был продать свою недвижимую собственность. Оставшихся у него немногих невольников никто не хотел купить, так как это были заведомые негодяи, с которыми мог справляться только он сам.

Шли слухи, что эсквайр «отправился на запад».

Выражение «отправиться на запад» может показаться читателю очень непонятным. Спешим пояснить, что в описываемую нами эпоху для искателей наживы открылась целая новая страна. Это была Калифорния, в то время мало еще известная и только недавно сделавшаяся собственностью Соединенных Штатов. Слух о сказочных богатствах, заключавшихся в недрах земли этой страны, не успел еще распространиться, но тем не менее людей, подобных Блэкаддеру, манила туда молва о том, что там можно приобрести за бесценок необработанные громаднейшие участки земли. Чтобы не находиться одному в незнакомой стране, Блэкаддер уговорил отправиться в этот путь еще нескольких колонистов с их семьями.

Последуем за этими переселенцами и посмотрим, что они предпримут.

Нам нетрудно будет их догнать, несмотря на то, что прошло уже три месяца с тех пор, как они покинули восточный берег Миссисипи. Путники очень медленно продвигаются по необъятным степям, как люди, плохо уверенные в успехе своих замыслов.

Наблюдать за переселенцами всегда интересно, поэтому мы надеемся, что читатель не посетует на нас за то, что мы приглашаем его с собой в погоню за эсквайром Блэкаддером и его спутниками.

По степной дороге тянется шесть громадных фургонов с обтянутыми парусиной кузовами, обыкновенно называемых «кораблями прерий». В каждый из этих фургонов впряжено по десятку сильных быков. Грубая парусина, покрывающая верх повозок, постоянно обмываемая проливными дождями и высушиваемая затем знойными лучами солнца, постепенно делается все белее и белее.

Часть фургонов занята людьми, а другая наполнена мебелью, сундуками, ящиками, орудиями и провизией. Переселенцы всегда везут с собой все, что уцелело от разгрома прежнего жилища и что может понадобится им на другом месте для устройства нового жилища, в котором все напоминало бы о привычной обстановке.

Несколько всадников с обветренными и загорелыми лицами, вооруженные с головы до ног, едут по бокам фургонов, управляемых неграми.

Караван в шесть повозок считается незначительным в прериях, путешествие по которым сопряжено с громадными трудностями и опасностями.

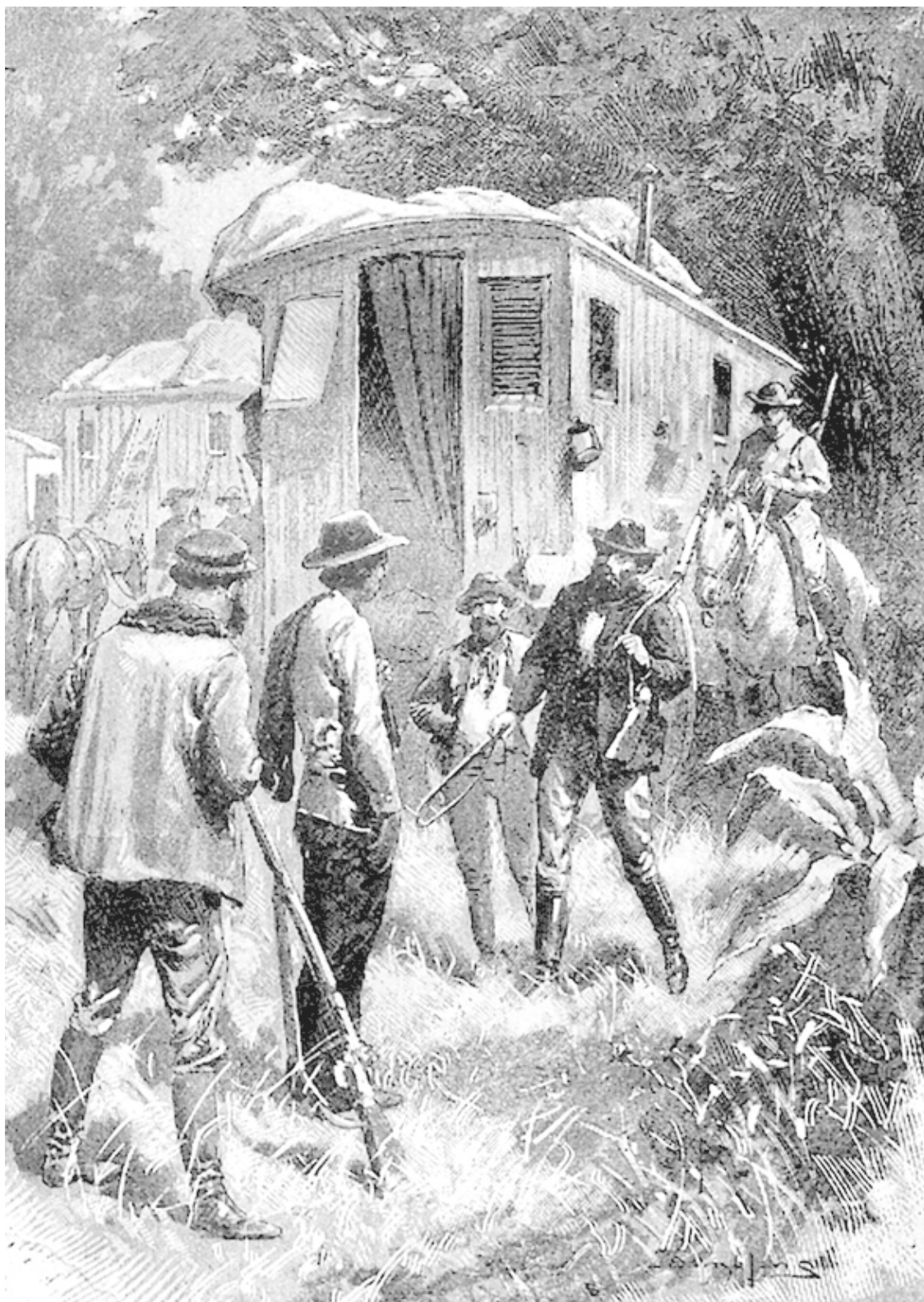
Караван двигался по одной из тех старых дорог, которые с незапамятных времен проложены отважными купцами. Их путь проходил через Арканзас по направлению к форту Бент, где, круто поворачивая к северу, тянулся мимо Скалистых гор до прохода, известного под названием «прохода Бриджера».

По уверению некоторых всезнаек, этот путь в то время был самым безопасным. Впрочем, нет ничего удивительного, что шнырявшие по прериям индейцы были спугнуты с этого пути массовыми передвижениями по нему войск, посылавшихся в Новую Мексику и в Калифорнию. Как бы то ни было, но после прохода этих войск стало гораздо меньше слухов о нападениях индейцев на караваны и об убийствах трапперов, прежде совершавшихся чуть ли не ежедневно.

Ни один из спутников Блэкаддера не мог похвалиться храбростью и не доверял мужеству ни самого эсквайра, ни других товарищей, поэтому все продвигались вперед с особыми предосторожностями, посылая во все стороны разведчиков и устраивая для ночных стоянок нечто вроде военных лагерей с баррикадами и часовыми.

Таким образом, караван в продолжение трех месяцев успел дойти только до форта Бент, где остановился на несколько дней для отдыха и пополнения запасов провизии.

Во время стоянки переселенцы познакомились с одним охотником. Это был индеец, одетый по-европейски. Он довольно бегло говорил на английском языке и предложил проводить их на север до «прохода Бриджера». Переселенцы с радостью приняли это предложение и бодро продолжили путь под руководством индейца. Через несколько дней караван прибыл к Бижу-Крик, маленькой живописной речке, впадающей в Платт.

Во время стоянки переселенцы познакомились с одним охотником. Это был индеец, одетый по-европейски

Вечером на берегу речки переселенцы, по обыкновению, устроились лагерем, то есть расставили кольцом сомкнутые фургоны, образовывавшие таким образом замкнутое про-

странство, которое называется «корраль» – это слово было позаимствовано у прерийных торговцев из Нью-Мексико. Это был обычный способ ночных стоянок всех караванов, пересекавших равнины.

В этот вечер переселенцы находились в особенно хорошем настроении, потому что уже с полудня перед ними начали вырисовываться на горизонте очертания Скалистых гор с их «Длинным пиком», гордо поднимающим к небу свою покрытую вечным снегом вершину, которая служит спасительным маяком всем путешественникам по этим местам. Указав на этот пик, проводник объявил переселенцам, что на другой день, до солнечного захода, они уже будут в форте Сен-Врен.

Начиная с этого форта, уже не следовало опасаться нападения краснокожих и смело можно было идти вперед, не посылая разведчиков и не расставляя часовых вокруг лагеря.

Полужинав, переселенцы легли спать, убаюкиваемые самыми радужными надеждами. Они и не подозревали, что с того самого пика, который, весь облитый розовым светом солнечного заката, так приветливо светил им, готовился налететь на них сокрушительный ураган. Чувствуя себя уже в полной безопасности, они на этот раз не расставили даже часовых, к величайшему удовольствию негров, которые завалились спать в одно время с хозяевами.

И никому – ни белым, ни неграм, не пришло в голову, что, когда солнце снова позолотит вершину «Длинного пика», половина из них будет уже спать непробудным сном и для многих этот лагерь окажется последним пристанищем.

Глава 4. Дикари

В ту же ночь на громадной, поросшей высокой травой равнине, милях в пяти от лагеря переселенцев, остановился на ночлег другой отряд, состоявший из двадцати пяти человек.

Это были молодые, здоровые и сильные всадники, не имеющие ничего общего с переселенцами ни по внешности, ни по языку, ни по манерам. У них не было ни повозок, ни клади. Все их приготовления к ночлегу состояли только в том, что они нарезали в кустах колья, воткнули их в землю и привязали к ним на длинных арканах своих лошадей, затем разостлали тут же большие плащи из бизоньей кожи, которые должны были служить им одновременно подстилкой и одеялом.

Для того, чтобы узнать цвет кожи этих людей, их следовало бы сначала тщательно вымыть, так как лица и руки их были разрисованы различными красками.

Судя по татуировке и вооружению, состоявшему из карабинов и копий, это были индейцы, вышедшие на «тропу войны». Они были одеты в длинные полотняные рубахи, кожаные штаны-леггины и обуты в мягкие мокасины.

Будь они вооружены луками и стрелами, их можно было бы принять за охотников, потому что для охоты краснокожие предпочитают именно это оружие.

Кроме того, у каждого за поясом были томагавк и лассо, которыми, как известно, индейцы владеют с потрясающей ловкостью.

Один из воинов особенно выделялся своим высоким ростом, гордой осанкой и богатым нарядом. Судя по его внешности, а также по тому почтению, с которым к нему относились его спутники, это был вождь отряда.

При первом же взгляде на этого человека можно было заметить, что он привык повелевать, если и не деспотически, то все-таки с такой твердостью и с таким достоинством, что каждый поневоле должен был признать его авторитет и без возражений и рассуждений подчиниться его воле.

Спрыгнув на землю и поручив коня одному из спутников, он сбросил с себя длинную накидку из редкого меха белых волков и лег на нее, вытянувшись во весь рост. Затем достал из богато вышитой сумки трубку, закурил ее и, с наслаждением выпуская кольца ароматного дыма, погрузился в размышления.

Очевидно, он был вполне уверен, что его спутники сами сделают теперь все необходимое, не дожидаясь особых приказаний со стороны вождя.

Остальные всадники расположились на некотором расстоянии от предводителя, разложили костер и принялись готовить ужин. Когда незамысловатая похлебка была готова, индеец, которому вождь поручил своего коня, отлил немного из общего котла в глиняную чашку, достал из мешка деревянную ложку и лепешку из маисовой муки и отнес все это вождю. Очевидно, этот индеец был избран вождем для своих личных услуг и пользовался его полным доверием.

Ужин прошел в сосредоточенном молчании. По окончании его один из индейцев поставил часовых и приказал им, чтобы они, по прибытии некоего человека, наружность которого он подробно описал, немедленно привели его к вождю.

Пожинав, вождь снова закурил свою трубку и, расположившись полулежа на своей мантии, устремил взор на медленно поднимавшуюся над горизонтом луну.

Под магическим сиянием прекрасного ночного светила вершины Скалистых гор казались вылитыми из чистого серебра и покрытыми легкой лазоревой дымкой. Благодаря удивительно прозрачному воздуху необъятных прерий, на фоне синего неба отчетливо вырисовывались малейшие выступы и впадины гор. Картина получалась поистине волшебной.

Теперь ясно можно было рассмотреть и лицо вождя. Несмотря на арабески, выведенные на нем киноварью, оно поражало правильностью своих линий и выражением неукротимой отваги и энергии. Когда лунный свет достиг полной яркости, те места лица, которые не были покрыты узорами, стали отливать цветом настоящей бронзы.

Судя по всему, вождь был очень молод, а высокий рост, могучая грудь и широкие плечи свидетельствовали о большой физической силе.

Однако едва ли за этой прекрасной наружностью молодого человека скрывалась добрая душа: по временам в его больших черных глазах мелькали злые огоньки, а из широкой груди вырывалось нечто вроде глухого рычания раздраженного тигра.

Ему никак не могло быть больше двадцати пяти лет, потому нельзя было не удивляться, что такой молодой человек сумел подчинить своему влиянию окружающих его людей, очевидно отличавшихся, как и он сам, железной волей и непоколебимой твердостью.

По всей вероятности, вождь был сыном какого-нибудь другого вождя, пользовавшегося общим уважением в прериях, или же сам совершил чудеса храбрости, которые заставили признать его превосходство и добровольно подчиниться ему, несмотря на возраст.

Мы уже сказали, что все его спутники были тоже молодые люди. Судя по их внешности можно предположить, что они принадлежат к тем индейским воинам, которые в прежнее время бродили по прерии в поисках приключений, наводя ужас на проезжавших купцов и промышлявших охотой трапперов.

Между тем, время шло. Спутники вождя уже спали, за исключением часовых, а сам он, вытянувшись во весь рост и подложив руку под голову, продолжал курить и созерцать луну.

Место, где сделали привал индейские воины, находилось почти у самого подножия Скалистых гор и представляло нечто вроде котловины, окруженной с трех сторон высокими утесами. С одной из вершин сбегал быстрый и шумный поток, пропадавший в глубокой бездне.

Эта котловина, покрытая довольно высокой и густой травой и местами поросшая кустарником, была в несколько десятков ярдов длины и ширины и открывалась на восток, где вдали красивыми изгибами извивалась небольшая речка Бижу-Крик.

Угрюмые скалы с их сверкающими, облитыми лунным сиянием снежными вершинами, шумящий и переливающийся всеми цветами радуги водопад, бесследно исчезающий в недрах земли, зеленая лужайка с пасущимися на ней лошадьми, потухающий костер и расположенные вокруг него группы спящих индейцев, неподвижные фигуры притаившихся часовых, небрежно раскинувшийся в стороне на белых мехах молодой красавец-вождь, искрящаяся вдали серебристая лента реки, и над всем этим ясное, синее, почти прозрачное небо с золотистым диском луны, — все это, вместе взятое, представляло собой живописную и полную романтической прелести картину.

Но молодой вождь не обращал на нее внимания; в его широко открытых глазах, отражавших лунный свет, не выражалось ничего, кроме напряженного ожидания, досады и злости. Временами он приподнимался и зорко всматривался в ту сторону, где протекала река, но, не видя там того, что, очевидно, всецело поглощало его мысли, он скрежетал зубами и издавал нетерпеливое рычание.

Вероятно, он кого-то ждал. Действительно, если кто-нибудь мог заглянуть в его душу, то прочел бы в ней следующее: «Вабога опоздал. Он должен был быть здесь, по крайней мере, час тому назад, судя по положению луны. Я очень удивлен этим. Что могло задержать его и помешать явиться в назначенное время? Неужели ему не удалось захватить лошадь кого-либо из тех дураков? Уж не случилось ли что-нибудь непредвиденное, заставившее тех болванов усомниться в Вабоге и лишить его свободы, или даже жизни? Это было бы очень неприятно».

Снова закулив погасшую трубку, молодой человек продолжал свои размышления уже вслух:

— Э, не все ли равно! — чуть не во весь голос воскликнул он. — Явится Вабога или нет, я все-таки сделаю, что задумал, и нападу на них в эту же ночь, перед рассветом... О, какое это будет счастье! Наконец-то я удовлетворю месть, мучившую меня столько лет... О, если бы мне удалось забрать всех их живыми... Да, необходимо, чтобы они оказались в моей власти живыми, иначе торжество мое будет далеко не полным; простая, обыкновенная смерть будет для них слишком слабым наказанием. Только живым я могу достойным образом отплатить за все мои страдания...

Адская улыбка искривила его красивые губы. Взглянув еще раз в открытую даль, он бросил трубку, заложил обе руки под голову и, снова уставившись на луну, пробормотал:

— Не напрасно ли я доверился этому Вабоге? Но кого я мог бы выбрать из всех моих молодцов? Один он знает хорошо английский и умеет втираться в доверие к бледнолицым. Зато во всем остальном он глуп. Благодаря этой глупости, вероятно, и попал впросак... А что, если он мне изменил? Впрочем, едва ли... Скорее всего они заподозрили, что он предает их, и убили его... Нет, он не мог мне изменить. Во-первых, он боится меня и знает, что ему от меня нигде не скрыться, а во-вторых, он ненавидит белых не меньше меня и по тем же причинам, что и я... Но как бы там ни было, им не миновать моих рук и никогда не достигнуть той цели, которую они наметили!

Молодой человек вдруг прервал свой монолог, немного привстал и, посмотрев на реку, напряг слух и зрение.

С той стороны ему послышался глухой топот лошадиных копыт, с каждым мгновением все приближавшийся и становившийся более ясным. В сущности, только очень тонкое и тренированное ухо могло различить этот звук.

Глаза молодого человека засверкали огнем дикой радости. Но, вероятно, боясь обмануться, он наклонился, раздвинул руками траву и припал ухом к земле.

Через несколько секунд он снова приподнялся и прошептал:

— Скачет какой-то всадник; наверное, это Вабога, больше некому... О, месть, как ты сладка!

Он встал и прошел несколько шагов в том направлении, откуда должен был появиться всадник.

Почти до реки тянулась цепь небольших холмов, покрытых кустарником. На одном из них, там, где земля словно сливалась с небом, острый глаз молодого вождя различил силуэт лошади с сидящим на ней всадником. Не привыкший к жизни в прериях ничего не рассмотрел бы на таком расстоянии, даже при ярком солнечном свете.

Вдруг в той стороне, откуда приближался всадник, послышался троекратный лай собаки, сопровождаемый громким, протяжным и зловещим воем, похожим на вой степных волков. Но так как вой повторился несколько раз, через определенные промежутки времени и с различными интонациями, индейский вождь понял, что это воет не койот.

Но кто тогда?

Глава 5. Предатель

Молодой вождь понял значение этого воя, только когда он троекратно повторился почти совсем рядом. Оглянувшись, вождь увидел на некотором расстоянии от себя человека, испускавшего точь-в-точь такие же звуки, какие доносились с того места, откуда приближался всадник.

Очевидно, вой койота был сигналом, условленным между часовыми индейского лагеря и тем, кого ожидали. Вождя почему-то не предупредили об этом сигнале, чем и вызвали его подозрения.

Через несколько минут всадник приблизился настолько, что его можно было легко рассмотреть. Он был одет по-европейски, но лицо его носило отпечаток характерного индейского типа. Обменявшись на скаку несколькими словами с часовым, он круто осадил взмыленного коня перед самым вождем.

– Вабога не держит слова: он опоздал, – с легким упреком произнес вождь. – Теперь уже за полночь, а Вабога знает, что мы должны произвести нападение на переселенцев до восхода солнца.

– Желтый вождь напрасно беспокоится о времени, – спокойно возразил индеец. – По совету Вабоги бледнолицые остановились на ночь неподалеку отсюда. Вабога опоздал не по своей вине.

– А по чьей же?

– Бледнолицые стали подозревать, что у Вабоги раздвоенный язык и следили за ним. Вабога едва смог уйти. Вчера утром бледнолицым встретились по пути в форт Сен-Врен трапперы и пробыли в лагере переселенцев до полудня. Уши Вабоги не слышали, что говорили между собой бледнолицые, но только после этого с него не спускали глаз.

– Кто такие были эти трапперы?

– Вабога их не знает.

– Жаль! Я бы отплатил им за то, что они вмешались не в свое дело!

– Следовало бы. Языки у трапперов длинные и ядовитые.

– Каким же образом переселенцы согласились остановиться в месте, которое выбрал Вабога, если они перестали доверять ему?

– У Вабоги тоже есть язык. Бледнолицые последовали его совету, надеясь, в случае чего, на свои глаза.

– Где их стоянка?

– Там, где приказал Желтый вождь, – на берегу реки.

– Как далеко это отсюда?

– Час, если ехать с осторожностью, и не более получаса, если скакать во весь опор.

– Хорошо. А сколько их всего?

– Девять бледнолицых, кроме женщин и детей. Чернокожих же раз в пять больше.

– Чернокожие в счет не идут. Говори мне только о бледнолицых.

– Начальник каравана – человек лет около шестидесяти. Раньше он был плантатором. Вабога узнал его. Он помнит этого бледнолицего с того времени, когда играл маленьким на другом берегу большой реки, в прекрасной стране своих предков, из которой его выгнали бледнолицые.

– Этот плантатор с семейством или один?

– При нем сын, лет двадцати четырех, такой же негодяй, как он сам, и дочь, непохожая ни на отца, ни на брата. Это настоящая женщина: прекрасная, как степной цветок и добрая, как солнце, которое всех освещает и согревает.

«Я не ошибся: это она! Час мести, наконец, пробил!» – сказал про себя вождь.

Глаза его сверкнули радостью, а по губам пробежала торжествующая улыбка.

– А кто остальные их спутники, или, по крайней мере, каковы они на вид? – продолжал он вслух прежним деловым тоном.

– Есть еще высокий силач, лет под пятьдесят. Он нечто вроде помощника начальника каравана. Сердце у него жесткое, как у плантатора: он все время бьет длинным бичом негров, которые не успевают за повозками.

– Узнаю этого человека по твоему описанию. Если это тот самый, то и ему несдобровать.

– Остальные шесть...

– Этих можешь не описывать. Скажи только, как они вооружены и можно ли ждать от них сильного сопротивления?

– Оружие у них есть, но не думаю, чтобы они храбро сражались.

– Хорошо. А как полагаешь, Вабога, есть надежда взять их живыми?

– Всех?

– Главным образом первых четверых?

– Думаю, что это будет не трудно.

– Отлично. Больше мне ничего не нужно знать, – произнес вождь шайенов, ибо он принадлежал к этому племени и, повысив голос, крикнул своим спутникам, из которых некоторые уже не спали: – Поднимайтесь и в путь! Вабога проведет нас к месту, где мы можем рассчитывать на хорошую добычу.

Пока воины один за другим вставали, собирали плащи и оружие и седлали лошадей, слуга вождя накинул на плечи молодого человека мантию и помог вскочить на коня.

Не прошло и десяти минут, как весь отряд индейских воинов был уже на лошадях и покинул свой лагерь. Самому образцовому кавалерийскому подразделению понадобилось бы на это вдвое больше времени.

Как нам известно, место для стоянки хотя и было выбрано предателем, но заслужило полное одобрение переселенцев; оно находилось в подковообразной излучине реки, окружавшей его с трех сторон. Трава, росшая здесь, была густая, высокая и такая ровная, точно ее постоянно подстригали.

Река была не широка, зато довольно глубока, берега ее отличались такой крутизной, что высадиться на них казалось невозможным.

Вообще, более удобного места для стоянки нельзя было и подыскать, тем более что само пространство, окруженное водой, было невелико, а потому очень удобно для защиты.

В сущности, Вабога несколько преувеличивал, говоря индейскому вождю, что переселенцы не доверяют ему. У них не было даже причины сомневаться в нем. До сих пор он вел их хорошо, и показались уже Скалистые горы, за которыми кончалась всякая опасность.

Да и что он мог бы им сделать? Предать шайке дикарей? Но с какой целью? Ведь по его словам, он принадлежал к племени чоктавов, а оно никогда не выказывало вражды к белым. К тому же то обстоятельство, что проводник так бегло говорил по-английски, доказывало, что он провел большую часть своей жизни среди белых людей и близко сошелся с ними.

Да и само место стоянки он им выбрал такое удобное и безопасное, что трудно было заподозрить с его стороны злой умысел.

Хотя трапперы настойчиво уверяли, что этот чоктав – человек подозрительный, переселенцы не придавали значения их словам: они были уверены, что эти слова внушены трапперам предубеждением против индейцев вообще или профессиональной завистью, потому что Вабога тоже был прекрасным охотником. Могло быть и так, что трапперы просто захотели поугагать переселенцев, чтобы потом посмеяться над ними.

Один только Снайвли несколько сомневался в честности Вабоги. Проводник жил там же, где сам Снайвли и его спутники, то есть на внутренних равнинах штата Миссисипи, а это

бывшему надсмотрщику плантации казалось плохой рекомендацией для человека. Кроме того, Снайвли находил странным, почему Вабога посоветовал устроить ночную стоянку в стороне от караванного пути, на котором все-таки было бы безопаснее.

Бывший надсмотрщик сообщил некоторым из спутников о своих подозрениях, но те возразили ему, что он напрасно беспокоится: у чоктава не могло быть никакого интереса предавать их, потому что ему была обещана довольно значительная награда, если он благополучно доведет их до Скалистых гор. Притом за все время пути индеец не дал ни малейшего повода к подозрению.

Снайвли замолчал, но дал себе слово бдительно следить за индейцем, особенно ночью. И действительно, Снайвли дольше всех не спал в эту ночь, почему Вабога, отлично видевший это, и не мог вовремя удалиться из лагеря. Однако в полночь усталость взяла свое: задремал и Снайвли. Удостоверившись, что бывший надсмотрщик не притворяется, а действительно заснул, индеец подкрался к одной из лошадей, пасшихся посреди загона, и осторожно отвязал ее. Отведя лошадь на некоторое расстояние от лагеря, он вскочил на нее и быстро умчался.

Шум быстрой реки заглушил лошадиный топот, и никто ничего не заметил. Тем не менее, почти перед самым утром, простой случай открыл исчезновение проводника.

Лошадь, которую взял Вабога, имела жеребенка. Последний спал, когда мать была вынуждена покинуть его. Часа через два жеребенок проснулся и, не найдя возле себя матери, принялся так ржать и бегать взад и вперед по загороженному месту, что разбудил одного из переселенцев. Тот вскочил и, сообразив в чем дело, разбудил своих спутников.

– Вставайте! – крикнул он. – Индеец исчез вместе с лошадью!

Этих слов хватило, чтобы всполошить весь лагерь.

В первую минуту все растерялись и не знали, что предпринять. Женщины и дети подняли плач и вой, которому усердно вторили негры, как угорелые метавшиеся без всякой цели по лагерю.

Один Снайвли не потерял хладнокровия. Успокоив кое-как своих спутников, он посоветовал им приготовиться на всякий случай к защите.

Едва он успел восстановить порядок в лагере, как один из негров оповестил, что со стороны прерий приближается отряд всадников. Напрягая зрение, переселенцы, действительно, рассмотрели в указанном направлении какую-то плотную темную массу, быстро приближавшуюся к ним. В то же время послышался топот множества лошадиных копыт.

Не было никакого сомнения, что это мчался отряд всадников, но кто они были – друзья или враги? На этот вопрос трудно было ответить, так как темноту ночи слабо освещала заходившая уже луна.

Но вот раздался свирепый военный клич индейцев, и пораженные ужасом переселенцы поняли все: на них нападают дикари, очевидно, приведенные чоктавом. Трапперы были правы: Вабога изменил и предал их индейцам!

Снайвли и несколько из наиболее храбрых его спутников приготовились к обороне, надеясь на свое оружие. Однако им не пришлось даже пустить его в ход: не успели они встать в боевой порядок, как толпа индейцев, нахлынув бурным потоком, прорвала баррикаду и мгновенно окружила переселенцев со всех сторон. Это не трудно было сделать, потому что индейцы напали именно с той стороны, где имелся свободный проход, а с остальных трех находилась вода, и переселенцы оказались запертыми как в западне.

Дрожащие руки не повиновались, и данный переселенцами залп из карабинов только сотряс воздух. Сделать второй залп им не удалось: их быстро обезоружили и некоторых убили, а других связали. Негры попрятались под фургоны и, зарывшись в траву, жалобно выли.

Взошедшее солнце осветило ужасную картину. Такие картины в прежнее время часто повторялись в американских прериях. Фургоны переселенцев были разграблены и все, что в них находилось, в беспорядке валялось на земле. Лошади и быки стояли связанными вместе и, точно понимая постигшее их хозяев несчастье, дрожали всем телом и не обращали внимания на сочную траву, расстилавшуюся под их ногами. Посреди этого хаоса лежали убитые и оскальпированные белые и крепко связанные негры; последние не издавали ни одного звука и не двигались.

Такова была картина, которую представлял лагерь переселенцев после того, как в нем побывали индейцы-шайены под предводительством Желтого вождя!

Взошедшее солнце осветило ужасную картину

Глава 6. Два охотника

Лощина, в которой останавливался Желтый вождь со своим отрядом, была одним из многих такого же рода углублений, длинным рядом окаймлявших прерии у подножия горной гряды, так называемой сьерры. Здесь шла еще не главная цепь Скалистых гор, а тянулись лишь ее крайние отроги, постепенно понижавшиеся и затем незаметно сливавшиеся с равниной.

Примерно в миле от этого места, ближе к реке Бижу-Крик, находилось ущелье или котловина, почти одинаковых размеров с первой лощиной, но совершенно другого расположения и вида. Она со всех сторон была закрыта тесно обступившими ее утесами с острыми вершинами вышиной в сотню с лишним футов.

На первый взгляд казалось, что здесь нет ничего, кроме крутых отвесных скал, через которые могла бы перебраться разве только птица. Однако под этими твердынями имелся тайный проход, которым отлично умели пользоваться знающие люди.

В месте соединения двух утесов, на одном уровне с землей, находился небольшой природный тоннель, из которого вытекал горный ручей, терявшийся в Бижу-Крик. Стоило только следовать по руслу этого ручья, чтобы попасть в так ревниво охраняемый утесами тайник.

Тоннель длиной в несколько метров был так низок и тесен, что через него можно было пробраться с большим трудом, и то согнувшись.

Новичок ни за что не обратил бы внимания на этот проход, а если бы и заметил его, то никогда не подумал, что за ним скрывается маленький оазис.

Эта тайная котловина была покрыта роскошной травой и орошалась тихо журчащим ручейком. В глубине ее росли старые тенистые деревья, а на нижней части утесов прилепились плющ, можжевельник и другие мелкие хвойники, довольно чахлые из-за отсутствия хорошего питания в каменистой почве.

Это было как бы нарочно устроенное убежище для сов, филинов и летучих мышей. Но здесь и днем собиралось множество птиц, слетавшихся со всех сторон. В этом укромном местечке им некого было бояться, кроме хищного белоголового орла, изредка появлявшегося на одной из вершин и будившего горное эхо своим зловещим криком. Иногда этот хищник схватывал на лету заранее намеченную им жертву, как бы она ни старалась улизнуть, и мгновенно исчезал с нею в поднебесье, чтобы потом опуститься в свое гнездо где-нибудь на самом высоком пике.

Увидеть это созданное природой убежище можно было только с окружавших его скал, а спускаться в него редко кто отваживался даже из бывалых людей, потому что на это понадобилось бы более получаса, и сам спуск был сопряжен с опасностью сорваться со скалы.

Только какому-нибудь немецкому геологу с молотком в руке или ботанику мог прийти в голову подобный риск; известно, что ученые, принадлежащие к этой любознательной расе, готовы пожертвовать даже жизнью в интересах науки, к которой пылают чистой и бескорыстной любовью! Они не щадят ничего для того, чтобы проникнуть во все уголки и самые скрытые щели нашей планеты, не исключая и трещин Скалистых гор, где местные охотники иногда находили их бездыханные тела с головами, почти всегда оскальпированными краснокожими, не питавшими национальных предпочтений.

Однако в ту ночь, когда был разгромлен лагерь переселенцев, почти на самой утренней заре, в глубине мрачного горного тайника горел костер. Дым медленно поднимался по стволам массивных деревьев и расплывался в листве, не переходя за вершины утесов, так что по ту сторону его никто не мог заметить.

Возле костра, над которым был подвешен небольшой котелок, сидело двое.

Возле костра, над которым был подвешен небольшой котелок, сидело двое

Один из них, на вид лет около пятидесяти, был вполне типичным охотником. Темные волосы и небольшая борода обрамляли энергичное лицо, сильно закопченное солнцем. Высокий и плотный, он должен был обладать недюжинной силой. Костюм его состоял из кожаной охотничьей блузы, кожаных же штанов, мокасин с крепкими подошвами из каба-

ней кожи и поярковой шляпы с лентой вокруг тульи; но все это было старое, обтрепанное по краям и покрытое пылью и пятнами.

Его товарищ выглядел гораздо моложе и изящнее; на нем красовался совершенно новый и чистый охотничий костюм, украшенный богатой вышивкой.

У молодого человека были тонкие черты лица, нежные руки и скромные манеры, так что в нем трудно было заподозрить простого охотника, хотя в действительности он тоже принадлежал к трапперам.

Оба охотника только что вышли из палатки, сделанной из шкур различных животных, разложили костер и принялись готовить завтрак. Подкрепив свои силы, они намеревались осмотреть капканы, расставленные ими с вечера в окрестностях, а затем отправиться в другую сторону на охоту.

Около костра, на траве, лежал вертел с куском сочного мяса, предназначенного на жаркое. В котелке заваривался чай – любимейший напиток всех охотников.

Некоторое время оба сидели молча, прислушиваясь к тому, как в котелке закипала вода. Наконец, старший прервал молчание:

– Как это странно, Нед: ты всю ночь мне снился! – начал он.

– Неужели? – с улыбкой произнес молодой человек.

– Да, просто всю ночь не давал мне покоя!

– Надеюсь, вы не видели ничего такого, что предвещало бы мне дурное. Вы знаете, я немного суеверен.

– Напрасно, все это вздор!

– Вы думаете? Впрочем, что бы ни ожидало меня впереди, хуже того, что уже случилось, едва ли может быть.

– Ты все преувеличиваешь, мой друг.

– И это может быть, с вашей точки зрения. Однако, что же именно вы видели во сне? Это все-таки интересно.

– Мне приснилось, что ты женат на прекрасной молодой особе, которая всеми силами старалась уговорить тебя бросить горные похождения и увезти ее в какой-то далекий город.

– Ну и что же, удалось ей уговорить меня? Думаю, что нет.

– Ты думаешь? Хе-хе-хе!

– Нет, в самом деле, неужели я поддался?

– Кажется, начал было поддаваться, но в это время я как раз проснулся, так что не знаю, чем кончилось дело. Полагаю, однако, что если бы та молодая особа, которую я видел в качестве твоей жены, в действительности взялась за тебя, то ты едва ли мог бы устоять, хе-хе-хе...

– Кто же была эта особа?

– А ты не догадываешься? Мисс Клара Блэкаддер... Ага! Как тебя передернуло при этом имени! Я так и знал, поэтому и не хотел называть ее, но ты сам пристал ко мне. Вот теперь и кайся!

Молодой человек, мгновенно изменившийся в лице, глубоко вздохнул и печально произнес:

– Этому сну никогда не сбыться!

– Почему же? – с легкой насмешкой спросил его собеседник.

– Потому что Клара Блэкаддер, по всей вероятности, давно уже замужем за другим и совершенно забыла о моем существовании.

– Не думаю. Женская привязанность крепче нашей, и чем больше препятствий к соединению с предметом ее любви, тем сильнее она прирастает к нему душой и сердцем. Клара Блэкаддер из таких женщин. Я знаю ее с тех пор, когда она была еще маленькой девочкой,

и всегда удивлялся ее твердости и настойчивости во всем. Кстати сказать, это единственная особа из всего этого семейства, стоящая любви порядочного человека.

– О да, это совершенно верно!

– Брат ее, например, такой негодай, какого еще поискать. Он уже маленьким был сорви-голова, так что с ним никто не мог справиться, а теперь сделался прямо каким-то висельником. Кажется, во всей долине Миссисипи не сыщешь другого такого сорванца. Впрочем, виноват, я забыл об его отце: тот немногим лучше своего сына. А Клара любила тебя, Нед, я это знаю точно, и если бы ты тогда был поэнергичнее и не позволил бы ее родственникам так запугать тебя, или объяснился с ней лично, то она давно уже была бы твоей женой.

– Ну, да как же!

– Да уж поверь моему слову, Нед, все бы отлично сладилось. В крайнем случае, посадил бы ее на лошадь – да фюить! Увез бы ее, как делают индейцы. С такими людьми как ее отец и брат, которые хотели заставить ее выйти замуж за одного из своей прекрасной компании, церемониться нечего. В первом же попутном местечке вас обвенчали бы, и дело с концом. Поди-ка, развенчай потом! Так сделал я с моей покойной женой Салли, лет тридцать тому назад, в штате Теннесси, перед тем, как поселиться на земле чоктавов. Отец ее, старый Дик Слокум, и слышать не хотел о том, чтобы мы поженились, потому что был зол на меня за то, что я победил его на состязании в стрельбе...

– И вы увезли свою невесту?

– Увез. Салли пришла ко мне ночью в лес, откуда я повез ее прямо к одному знакомому проповеднику-методисту, и он в какие-нибудь пять минут связал нас на всю жизнь. Мне никогда не приходилось раскаиваться в этом поступке, потому что женщину лучше моей жены трудно было найти во всем свете. И поверишь ли, с того ужасного дня, когда она навеки закрыла свои кроткие очи, я ни разу еще не взглянул ни на одну женщину так, как смотрел на жену. Ах, как я с ней был счастлив, и как мне было трудно лишиться ее!

Голос старого охотника дрогнул и оборвался.

Молодой человек печально смотрел на пламя костра и молчал, опасаясь неосторожным словом растравить душевную рану своего собеседника.

Между тем чай поспел. Старик снял с огня котелок и принялся жарить на вертеле мясо.

– Так бы следовало поступить и тебе, мой друг Нед, – продолжал он немного спустя, стараясь подавить нахлынувшие на него грустные воспоминания. – Тогда бы вся твоя жизнь сложилась иначе, и тебе не на что было бы жаловаться. Вместо того чтобы рыскать по горам и степям и подвергаться всевозможным опасностям, ты завел бы себе хорошенькую плантацию в каком-нибудь укромном уголке Миссисипи и зажил бы припеваючи... По правде сказать, мне такая жизнь не была бы по вкусу. Исходив в течение тридцати лет вдоль и поперек все Соединенные Штаты, перебив около сотни краснокожих, чтобы самому не быть убитым и оскальпированным ими, и свыкшись с вольной, хотя и опасной и полной лишений жизнью охотника, я, разумеется, никогда не согласился бы застрять на плантации. Для меня это было бы тюрьмой...

– Да, я знаю, мой добрый Элайджа Ортон, что вы долго не вынесли бы такой тихой жизни.

– Да, мой милый, это верно... Что же касается тебя, то тебе вовсе не к лицу быть траппером, хотя ты мастерски владеешь ружьем и лазишь по горам не хуже любой козы; мужества, ловкости и смекалки тоже у тебя вполне достаточно для этой профессии. Но все-таки сразу видно, что тебе была предназначена совсем другая доля... Скажи, пожалуйста, ты никому, кроме меня, не открывал своей тайны?

– Никому. У меня был и есть только один поверенный – это вы, мой старый добрый друг.

– Очень рад это слышать. Я так привязан к тебе, Нед, что мне больно видеть, как ты грустишь и чахнешь от любви... Я и рад бы помочь тебе, да не знаю как и чем.

– А что бы вы сделали на моем месте, Элайджа? Я, действительно, сам не свой с тех пор, как покинул долину Миссисипи. Тело мое здесь, а душа все еще там...

– Что бы сделал? Вернулся туда и выждал случай увезти мою возлюбленную – вот и все. Больше, по-моему, нечего и делать, если ты хочешь быть счастливым.

– А вдруг она уже замужем? – со вздохом проговорил молодой человек.

– Говорю тебе, этого быть не может! Я готов отдать голову на отсечение, что она еще свободна, потому что помнит тебя и...

– Да помнит ли?

– Помнит, помнит, поверь мне. Не такая она, чтобы забыть того, кого раз полюбила.

– Эх, если бы вы не ошибались, Элайджа!

– Не ошибаюсь, будь покоен.

– А если ее насильно выдали замуж?

– Нет, и этого не может быть. Она не из робких и не дастся. Да к тому же я слышал, что ее братец сильно порастряс отцовское имение, так что старик, как говорят, еле дышит. Поэтому прежний жених, наверное, отступился, а новых при таких условиях не скоро найдешь. Кто захочет связываться с людьми, которые того и гляди останутся с пустыми карманами? Такие глупости делают только из любви, а на истинную любовь многие ли способны? Успокойся, мой милый, Клара Блэкаддер свободна, любит и помнит тебя. Она сама мне это говорила, когда я виделся с нею в последний раз, после того, как ты оттуда скрылся. Однако вот что: давай-ка завтракать, а то чай остынет. Кстати, и мясо спелое.

С этими словами старый охотник снял с вертела мясо и, отрезав себе большой кусок, принялся с аппетитом уничтожать его. Молодой человек со вздохом последовал его примеру.

Глава 7. Прерванный завтрак

Читатель, вероятно, уже догадался, что Нед был тем самым молодым охотником-ирландцем, который так неудачно пытался посвататься к Кларе Блэкаддер. Его настоящее имя было Эдвард О'Нил. Покинув долину Миссисипи, он направился на запад, дошел до Скалистых гор и углубился в них, надеясь среди охотничьих приключений и опасностей забыть то, что его так мучило. В крайнем случае, здесь не трудно было найти и смерть, которая не была бы прямым самоубийством. Он рад был и сам наложить на себя руки, но его останавливала мысль о том, что это безнравственно и свидетельствует о малодушии и трусости.

В первый же день пребывания в горах счастливый случай свел его с самым знаменитым охотником того времени, Элайджей Ортоном. Сначала этих людей объединила профессия, а потом они стали закадычными друзьями.

Несмотря на зрелые годы, Ортон был молод душой. Под грубой и суровой внешностью охотника таилось мягкое, восприимчивое к добру сердце и честный характер; тем же отличался и О'Нил. Это внутреннее сходство и сблизило их.

Ободренный словами старого друга, Нед, как мы будем его называть, с аппетитом принялся уничтожать прекрасное жаркое и запивать его душистым чаем.

Вместо стола охотникам служил большой камень с гладкой поверхностью, на котором мясо резалось не хуже чем на мраморной доске. В корзинке, которую Ортон вынес из палатки, раскинутой тут же в ущелье, находились хлеб, соль и кое-какие пряности для придания вкуса жаркому. Имелись и деревянные вилки, чтобы не обжигать пальцы горячим мясом.

Не успели охотники съесть и половины своего завтрака, как вдруг до их слуха донесся звук нескольких одновременных выстрелов, гулко и раскатисто отраженных несколько раз горным эхом.

Целый залп ружейных выстрелов! Это не предвещало ничего хорошего. Очевидно, где-нибудь в прерии происходила кровавая стычка, наверное, между белыми и краснокожими.

– Поднимись скорей наверх и посмотри, не видно ли оттуда чего, – сказал Ортон, продолжая есть. – Странно, что выстрелы больше не повторяются. Впрочем, быть может, этот залп был призывом на помощь?

Молодой человек проворно вскочил, схватил лежавшее возле него ружье, перекинул его через плечо и быстро стал взбираться на один из утесов, цепляясь за мелкий хвойник. Сам же Ортон спокойно остался на месте и принялся допивать чай.

Взобравшись наверх, Нед вынул из кармана подозрную трубу и направил ее в ту сторону, откуда слышались выстрелы.

Утренний свет только что начинал брезжить, и над прерией расстился туман. Сначала Нед ничего не видел, но потом вдруг, на некотором расстоянии от того места, где стоял молодой человек, вспыхнул огонь и стал все больше и больше разгораться. Казалось, будто это горел костер. Вместе с тем слышались пронзительные, отчаянные крики, вопли смертельного ужаса и дикий рев, в котором привычное ухо Неда сразу узнало победный клич краснокожих.

– Ну что? – спросил старый охотник, приблизившись к подножью утеса, с которого Нед вел наблюдение.

– Насколько я могу понять, – ответил молодой человек, – недалеко от нас на кого-то напали индейцы... Поднимитесь скорее сюда сами!

Ортон взял ружье и поднялся на вершину. В эту минуту над горизонтом начинало показываться солнце. В этих широтах утренние и вечерние сумерки не бывают продолжительными и почти сразу сменяются дневным светом или ночной темнотой.

– Там виднеется что-то белое, – говорил Нед, продолжая смотреть в трубу. – Что бы это такое могло быть?.. А, теперь я понял: это крыши переселенческих повозок... Возле них движется множество людей... Бегают взад и вперед, размахивают руками... Слышите, как кричат, режут и воют?

– Да там, очевидно, происходит резня, – произнес Ортон. – Это около самой реки... Наверное, переселенцы, судя по фургонам... Должно быть, на них неожиданно напали краснокожие и лишили их всякой возможности обороняться, иначе были бы еще выстрелы. Узнаю тактику индейцев: налетят как орлы и, не дав опомниться, скрутят по рукам и ногам или всадят нож в горло и снимут скальп, в зависимости от того, желают ли взять в плен или убить... И почему этих переселенцев занесло туда, в сторону от дороги? Это что-то очень странно!

– И как мало повозок! – подхватил Нед. – Должно быть, это совершенные новички и люди очень наивные, иначе они не отважились бы пуститься такой малой группой в прерии. Смотрите, Элайджа, теперь вокруг костра пляшут... А как орут-то, точно стая дьяволов!.. Вон несколько человек в белом распростерты на земле... Кажется, это уже мертвые... Фургоны разбиты, кругом разбросаны вещи... Бедные переселенцы! Ехали со всем своим скарбом, надеялись где-нибудь устроиться по-старому, и вдруг такой ужасный конец! Уж не шайка ли Желтого вождя напала на них? Если так, то нужно им пожелать, чтобы они были сразу убиты. Я слышал, что попасть в плен к этому чудовищу во сто раз хуже смерти.

– Да, это верно, – подтвердил Ортон, – Желтый вождь превосходит своей жестокостью всех остальных индейских вождей, насколько можно судить по слухам... Но где же ты слышал об этом вожде, Нед? Помнится, я тебе не рассказывал еще о нем – как-то все не приходилось.

– Мне рассказывали об этом кровожадном звере в человеческом образе в форте Бент. Меня предупреждали не попадаться ему в лапы... А что, Элайджа, не пойти ли нам туда, к этим плясунам? Наверное, среди переселенцев были женщины и дети, а их индейцы обыкновенно берут в плен. Может быть, нам удастся спасти кого-нибудь из них. Как вы думаете?

– Нет, мой друг, это невозможно, – ответил со вздохом охотник. – В первую минуту и мне пришло было в голову броситься на помощь этим беднягам, но потом я одумался. Мы напрасно только рискуем своей жизнью, не принеся несчастным никакой пользы... Я уверен, что это именно орда Желтого вождя, потому что она постоянно рыщет в этих местах. А связываться с этим дьяволом не решусь даже я. Он и так ненавидит всех трапперов и если увидит, что ему становятся поперек дороги, то объявит нам самую беспощадную войну; тогда нас никто не спасет... Но, погоди-ка! Это еще что такое?

Восклицание старого охотника относилось к какому-то странному существу, вприпрыжку мчавшемуся по равнине прямо к утесу, на котором стояли наши друзья, спрятавшись за стволом старого кедра.

– Что за диво! – продолжал Элайджа, с недоумением всматриваясь в странное существо, быстро приближавшееся к ним, – не то волк, не то маленький буйвол... Белая шкура, а хвоста нет... Ха-ха-ха! – вдруг расхохотался старый охотник. – Да это негр! Честное слово, негр в белой рубашке. Бедняга согнулся и бежит на четвереньках. Должно быть, еще молодой... А, смотри, какой хитрец: забрался в густую траву и скачет по ней настоящим зверем!

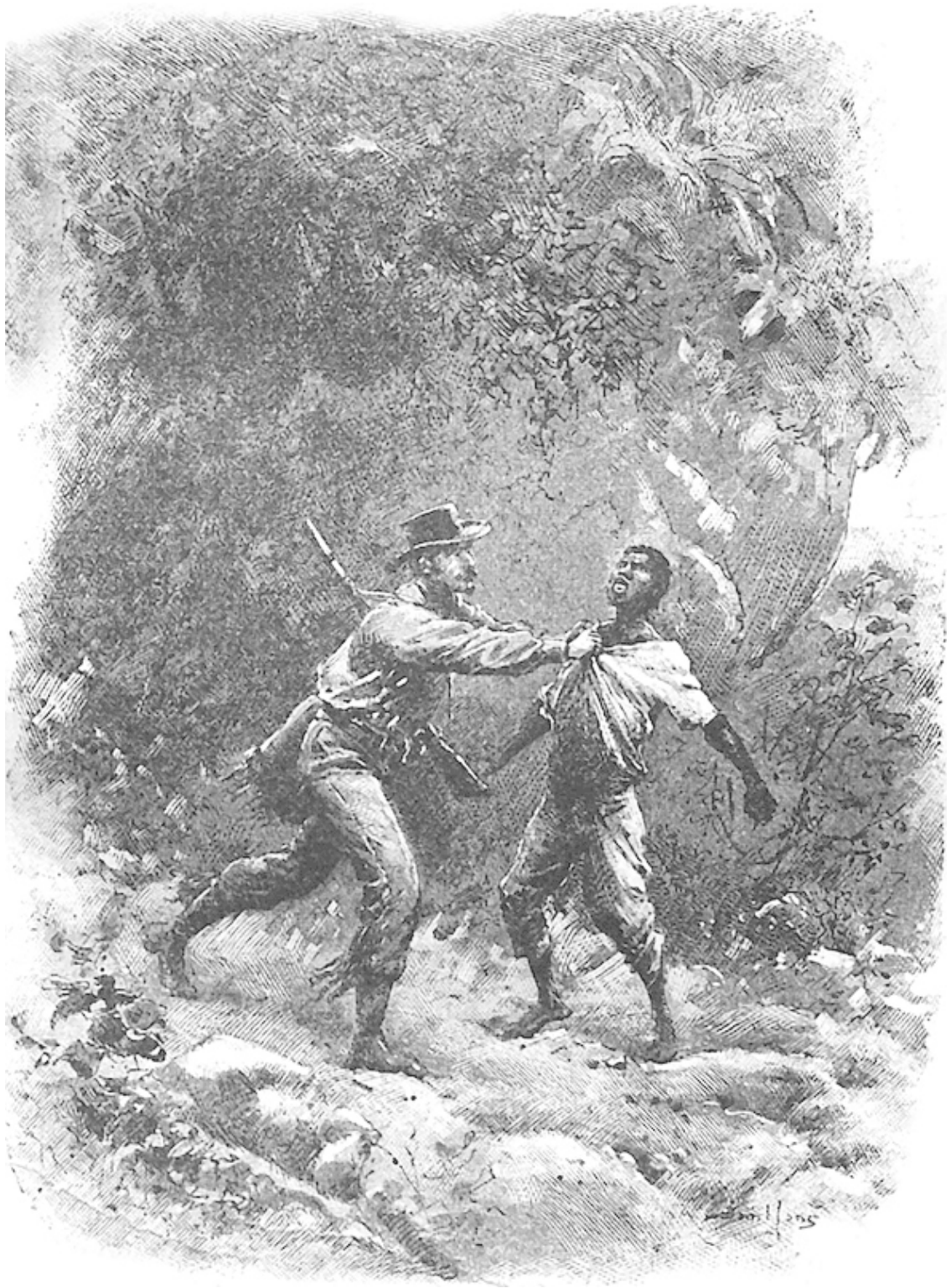
– Да, сметливая шельма! – с улыбкой сказал Нед, любясь ловкими прыжками негра, черное лицо которого теперь можно было ясно рассмотреть. – Наверное, принадлежал к тому несчастному каравану и ускользнул из рук палачей.

– Я то же думаю, – согласился Ортон. – Присутствие негров доказывает, что переселенцы ехали с юга... Однако он направляется прямо к нам, не боится нас. А может быть, просто хочет укрыться тут где-нибудь... Нед, ты проворнее меня: спустись-ка вниз и постарайся поймать этого молодца. Мы расспросим его. А я пока побуду здесь.

О'Нил молча кивнул головой и стал спускаться на равнину. Спуск оказался гораздо легче, чем подъем, так как с этой стороны утес был довольно отлогий.

Через несколько минут молодой охотник был уже внизу и направился навстречу негру.

Поймать чернокожего было не очень трудно – он задыхался от волнения и усталости и не оказал ни малейшего сопротивления, когда Нед схватил его за одежду и заставил подняться на ноги. Сначала бедняга сильно испугался, но, взглянув в открытое лицо молодого охотника, сразу успокоился: он понял, что ему не угрожает никакая опасность.

Нед схватил его за одежду и заставил подняться на ноги

– Элайджа! – крикнул Нед своему товарищу. – Идите сюда! Этот бедный малый так измучен, что я не решаюсь тащить его наверх. Пожалуй, он подумает, что я хочу доставить себе удовольствие сбросить его оттуда, чтобы полюбоваться, как треснет его курчавый череп.

Старый охотник поспешил спуститься с вершины.

– Здравствуй, приятель! Наверное, ты понимаешь хоть сколько-нибудь по-английски, – сказал он негру, которого Нед держал за руку. – Откуда это ты пробрался сюда? Да ты не бойся, говори смелее: мы тебе зла не сделаем.

– Повозки, масса... Я бежать от повозки, – ответил негр на ломаном английском языке.

– Что это за повозки?

– Мы ехать в них по прерии... на нас напасть... всех резать, и белых и много негр... сколько оставалось у господин после плантации... Ранены есть... убиты есть... Один я бежать!

– Гм! А кто же это напал на вас?

– Индейцы... Крашены индейцы. Лицо белый, красный... много разных цвет... Они прискакать ночью... Мы все спать, а они напасть на нас... Мы раз стрелять, а они нас связать и бить... Мы не стрелять второй раз...

– А много вас было?

– Много... все убит.

– И белых убили?

– Убить!.. Я видеть, старый масса: голова разбит... кровь течь... и надсмотрщик с большим ружьем убить... Молодая мисс плакать и кричать... и все женщины и дети кричать... Ах, как они кричать!

– Значит, твоего господина убили?

– Да, да, убить!

– А ты знаешь, как звали твоего господина?

– Знать, масса, как не знать! Все знать имя старый масса. Его звать Блэкаддер.

– Эсквайр Блэкаддер?!

– Да, масса, Блэкаддер.

– Уверен ли ты в том, что его так звали? – спросил Нед, которого это известие так поразило, что он почти не сознавал, что говорит.

– Уверен, масса, уверен: Блэкаддер, – отвечал негр, вытаращив глаза от удивления.

Ему показалось очень странным, что люди могут усомниться в этом имени.

– А откуда вы ехали? – в страшном волнении продолжал Нед.

– Из Миссисипи, масса.

– Штат Миссисипи велик. С какого именно места?

– От Викабург... На левый берег реки был плантация масса Блэкаддера, от этот плантация мы и ехать.

Молодой человек замолчал и стоял, как окаменелый, закрыв лицо руками, между тем как его товарищ испустил глухое восклицание ужаса и негодования.

Больше не могло быть ни малейшего сомнения: переселенцы, караван которых разгромили индейцы чуть не на глазах у охотников, были Блэкаддер с семейством и слугами.

Глава 8. План

– Что же нам теперь делать, мой бедный друг? – спросил Ортон, с глубоким состраданием глядя на молодого человека, совершенно убитого неожиданным открытием.

– Конечно, нужно поспешить на место битвы и убедиться, правда ли все это. Может быть, там не все мертвы, а только ранены, – ответил Нед. – Страшно даже подумать, что Клара может быть убита или что она попала в плен к этому извергу, – прибавил он, растерянно водя вокруг помутневшими от горя глазами.

– Идти туда! – воскликнул Ортон. – Да ведь я уже говорил тебе, что для несчастных жертв это будет бесполезно, а для нас кончится тем, что мы лишимся своих скальпов или, в лучшем случае, навлечем на себя вечную вражду Желтого вождя. Я уверен, что это нападение устроил именно он со своей шайкой.

– Мы поосторожнее подкрадемся к тому месту и посмотрим из-за кустов, что там делается.

– И это невозможно: там нет никаких кустов и нам негде будет притаиться. Это я уже разглядел сверху. Нет, идти туда, значит прямо отдаться в руки палачам, а это, по-моему, непростительная глупость. Если там даже и не Желтый вождь, то все равно нам несдобровать, потому что и всякий другой не упустит удобного случая обогатиться новыми трофеями, то есть снять с нас скальпы.

– Но нужно же предпринять что-нибудь, мой добрый Элайджа, – умоляющим голосом говорил молодой человек. – Не могу же я оставаться здесь в полном бездействии, когда Клара, быть может, в плену у этих двуногих зверей. Если она жива и попала к ним в руки, то я обязан попытаться ее освободить. А если она, упаси Бог, уже убита, я должен отомстить за нее. Элайджа, умоляю вас, помогите мне сделать что-нибудь или научите меня, как поступить.

– Конечно, нужно что-нибудь сделать, – произнес старый охотник. – Если бы дело шло только об эсквайре Блэкаддере с его прекрасным сыном, то, понятно, не стоило бы жалеть, но раз тут замешана Клара – во что бы то ни стало нужно разузнать о постигшей ее судьбе и что-нибудь придумать для ее спасения, пока еще не поздно. Только не следует действовать наобум. Сначала нужно основательно обдумать весь план. Я убежден, что не все убиты, потому что схватки почти не было; наверное, переселенцы сразу сдались, увидев превосходство сил неприятеля.

– Да, и мне так думается, поэтому...

– Поэтому, – подхватил Ортон, – я и говорю, что не следует зря рисковать собой и лезть прямо в петлю.

– Я согласен, Элайджа, вполне согласен, что этого не следует делать. Но что же в таком случае предпринять?

– А вот, дай обдумать. Сначала нужно еще порасспросить этого черномазого.

И, обернувшись к молодому негру, спокойно сидевшему теперь на траве возле охотников, Ортон спросил его:

– Постарайся-ка сообразить, приятель: сколько напало на вас индейцев?

– Много, масса, очень много, – ответил негр, – сто... больше сто... очень много.

– Эх, – с досадой произнес старый охотник, махнув рукой, – у вас все «много». С испугу-то у вас в глазах все удесят�еряется. Ну ладно, пусть будет сто. Скажи мне теперь вот что: не заметил ли ты среди индейцев такого, который был бы главным над всеми?

– О, да, масса, я заметить, хорошо заметить.

– Понимаешь, который бы приказывал, вождя?

– Видеть вождь, масса, видеть. Он все кричать, махать руками, и все делать, как он кричать.

– Да? А как он одет?

– В длинный белый одежда, масса, на голова у него большой, очень большой хвост из птица, пестрый такой, красивый птица.

– Ну, так и есть: это Желтый вождь. Он всегда щеголяет в белой мантии и носит на голове убор из павлиньих перьев, – сказал Ортон.

– Нет, масса, – возразил негр, – лицо у него не желтый, а красный, очень красный, тут и тут, – негр показал на лоб и щеки, – только две желтый полоса на щека, а...

– Ну, это ничего не значит: он выкрашен краской, вот и все, – перебил Ортон. – Желтым его прозвали по другому случаю. Ну, а что он кричал и делал?

– Что кричать, я не понимать, но он показывать рука, чтобы не убить, а больше вязать белый.

– Странно! Да верно ли ты говоришь, что он не велел убивать, а только вязать белых?

– Верно, масса, верно. А потом я спрятаться под повозка и прыг-прыг по трава сюда.

– Прыгал-то ты ловко, это мы видели. Удивительно, – продолжал старый охотник, ни к кому не обращаясь, а как бы размышляя вслух, – что Желтый вождь не перебил всех белых. Не в его привычках щадить их. Я слышал, что он никогда не оставляет в живых ни одного белого, потому что чувствует к ним какую-то особенную ненависть; но приходится верить этому черномазому, потому что негры скорее склонны преувеличивать, чем смягчать дурное.

– Да, и я нахожу это очень странным, – сказал Нед. – Но, во всяком случае, нужно что-нибудь предпринять для выяснения обстоятельств.

Старый охотник некоторое время простоял молча, опираясь на дуло карабина. Очевидно, он обдумывал какой-то план.

Наконец, после долгого молчания, он проговорил:

– Если эти проклятые краснокожие не перебили всех сразу, то, значит, пока и не убьют их, а уведут с собой. Следовательно, нам можно попытаться спасти кого-нибудь из пленных.

– Так вы теперь находите возможным предпринять эту попытку! – воскликнул обрадованный Нед, схватив своего товарища за руку.

– Кажется, мой друг.

– Но как именно?

– А вот погоди, дай еще подумать. Если Желтый вождь взял в плен женщин, то он не возвратится с ними прямо к своему племени, а захочет сначала один со своими избранными молодыми воинами позабавиться с добычей где-нибудь в укромном месте.

Молодой ирландец задрожал при этих словах, подтверждавших мучившую его в эту минуту тайную мысль, но промолчал, давая другу возможность до конца изложить свой план.

– Если это так, – продолжал Ортон, – то мне кажется, что я могу почти наверняка указать, куда именно двинутся отсюда дикари. Я знаю одно место, где Желтый вождь любит останавливаться во время своих военных экспедиций, которые часто предпринимает с отрядом своих воинов. Я совершенно нечаянно открыл это убежище, когда однажды гнался за добычей. Это было еще до встречи с тобой, Нед. Наверное, индейцы переночевали там нынче, чтобы напасть на злополучных переселенцев, о приближении которых им сообщили разведчики. Эта банда всегда нападает на караваны, приближающиеся по прерии к Скалистым горам; впрочем, она не пренебрегает и охотниками, вроде нас с тобой, когда те неосторожно попадают ей на глаза. Теперь, значит, весь вопрос заключается в том, чтобы узнать, что они в настоящее время намерены предпринять и где будут находиться, когда мы вернемся сюда.

– Вернемся сюда? – с недоумением переспросил Нед.

– Ну, да! Разве ты не понимаешь этих простых слов, дружище? – спокойно произнес Ортон.

– Значит, вы хотите отсюда куда-то идти? Но куда именно?

– В Сент-Врен.

– В Сент-Врен? Что же мы там будем делать?

– Искать помощи. Не вдвоем же с тобой мы нападём на целый отряд индейцев, да еще под предводительством Желтого вождя!

– И вы думаете, что мы найдем в Сент-Врен необходимую помощь?

– Даже уверен в этом. Те охотники, которых мы вчера встретили, отправились в Сент-Врен; кроме того, там должно находиться много моих старых друзей: они раза два-три в неделю доставляют туда свою охотничью добычу. Вообще, я бы там за несколько часов мог набрать человек пятьдесят самых смелых парней, но этого слишком много для того, чтобы справиться с ордой придорожных грабителей. Так вот, Нед, если ты сам не придумал ничего лучшего, мы немедленно отправимся в Сент-Врен, – заключил Ортон.

– Где же мне что-нибудь придумать, когда у меня голова идет кругом! – с горечью воскликнул молодой человек.

– Ну, так в путь, – сказал старый охотник.

– Ах, как я страдаю при одной мысли, что бедная Клара находится во власти этих извергов! – снова вскричал Нед. – Идемте скорее.

И молодой человек уже зашагал было по направлению форта Сент-Врен.

– Постой, не торопись, – остановил его Ортон. – Сначала дай мне честное слово, что во всем будешь повиноваться мне и не сделаешь никакой глупости. Помни, что нам следует всячески избегать встречи с индейцами, пока мы одни, иначе нашим волосам не удержаться на своем месте. Признаюсь, я вовсе не желал бы расстаться со своей шевелюрой, хотя она уже и начала покрываться сединой. Честное слово, если бы не Клара, я ни за что не тронулся бы отсюда и не бросил бы недоеденным такой вкусный завтрак. Пускай Желтый вождь и его шайка сколько угодно продолжали разбойничать на вечную погибель своих душ. Так ты обещаешь мне быть паинькой и не делать никаких глупостей?

– Обещаю, обещаю, – нетерпеливо ответил Нед.

– Ну, так идем. Но лучше сядем на лошадей. На них мы живо слетаем туда и обратно. Вот что, приятель, – обратился Ортон к негру, – мы уедем на несколько часов, а ты дождись нас. Мы проведем тебя в одно место, где ты спокойно можешь пробыть до нашего возвращения. Там тебя никто не тронет.

Негр послушно и доверчиво последовал за охотниками, которые поднялись наверх и спустились оттуда со своим гостем в ущелье.

– Вот видишь, – продолжал охотник, указывая на остатки завтрака, – тут есть что пожевать и чем утолить жажду. Только ты не все съедай, слышишь? Мы вернемся еще засветло и захотим поужинать. Если ты нам ничего не оставишь, мы вынуждены будем съесть тебя самого.

С этими словами Ортон направился со своим спутником к тоннелю, оставив негра в полном недоумении относительно того, следует ли принимать последние слова старого «массы» за шутку или за действительную угрозу.

Пройдя сквозь тоннель, охотники направились к одной обширной пещере, служившей конюшней. Мигом оседлав лошадей и взобравшись на них, охотники стали пробираться на равнину, соблюдая крайнюю осторожность, пока не достигли такого пункта, откуда лошадиный топот не мог достичь слуха пировавших возле Бижу-Крик индейцев.

– Теперь поскачем во всю прыть, Нед, – сказал Ортон. – Впрочем, я совершенно напрасно принимал эти меры предосторожности: краснокожие, наверное, теперь одурманыены вином. Они ведь большие любители спиртных напитков, да и старый Блэкаддер был

не прочь выпить. По всей вероятности, он имел с собой порядочный запас разных водок и настоек, которыми и воспользовались грабители. Ну, да осторожность никогда не мешает. Если они все напились, то едва ли успеют протрезветь до нашего возвращения и далеко не уйдут, так что нам, заручившись достаточной помощью, нетрудно будет догнать их, отнять пленников и проучить самих разбойников.

– Дай-то Бог! – воскликнул молодой ирландец, жадно хватаясь за блеснувшую перед ним, как солнечный луч, надежду спасти избранницу своего сердца.

Пришпорив коней, охотники вихрем помчались по бесконечной зеленой равнине.

Пришпорив коней, охотники вихрем помчались по бесконечной зеленой равнине

Глава 9. Форт Сент-Врен

Для охраны торговых путей в прериях было построено несколько укреплений с сильными гарнизонами. Из них особенно выделялся форт Сент-Врен, служивший центром, куда все охотники ехали продать добычу и отдохнуть от трудов и лишений своей тяжелой профессии.

Раз в год в Сент-Врен происходил общий сбор охотников.

Но в тот день, когда в Сент-Врен направлялись наши друзья, Элайджа Ортон и Эдвард О'Нил, в форте находилось всего несколько десятков охотников, собравшихся со всех сторон: из ущелий и пещер Скалистых гор, с берегов рек и ручьев, вытекавших из этих гор, а также с больших рек, как, например, Колорадо, и, наконец, с Соленого озера, вокруг которого водилось такое множество дичи, что сколько ее ни истребляли, она все как будто не убывала. Все охотники явились с богатой добычей и в два-три часа променяли ее у торговцев или комиссионеров на ружья, свинец, порох, кинжалы, ножи, одежду, на разные домашние принадлежности и украшения с настоящими или фальшивыми камнями для своих жен; некоторые, впрочем, брали прямо мексиканскими долларами или золотым песком.

Но золото жгло охотникам руки и норовило поскорее обменяться на виски и вино, быть проигранным в карты, кости и тому подобные развлечения.

Устраиваемые охотниками пирушки и состязания в карты или кости нередко оканчивались кровавыми ссорами. Чаще всего происходили стычки между охотниками и расположившимся возле форта индейским племенем кроу. Эти индейцы дружили с белыми, но охотники видели в них соперников по ремеслу, поэтому не пропускали ни одного случая, чтобы завести с ними ссору.

Состязания в карты или кости нередко оканчивались кровавыми ссорами

Как раз и теперь охотники затеяли спор с индейцами, угрожавший перейти в кровопролитную схватку, но крик часового вдруг отвлек их внимание и заставил прекратить опасную затею.

Спорщики находились на обширной площадке, раскинувшейся перед главными воротами форта и обыкновенно служившей местом для военных учений, гимнастических упражнений и тому подобного.

Крик часового заставил всех обернуться в сторону равнины, по которой прямо к форту неслись во весь опор два всадника.

Быстрота скачки доказывала, что всадники спешат как можно скорее достичь своей цели, иначе они пожалели бы лошадей и не заставляли бы их во всю прыть подниматься по крутой тропинке, которая вела на занятую фортом возвышенность.

– Ишь, как мчатся, точно за ними гонится отряд краснокожих, – заметил Блэк Гаррис, один из самых славных в то время охотников.

– Однако за ними никого не видно, – отозвался другой, – к тому же им нечего бояться на территории форта. Может быть, это из наших? Эх, зрение-то у меня не прежнее: не могу уж разглядеть лиц с такого расстояния.

– Да, – подхватил третий, – если я не ошибаюсь, то тот, который скачет на белой лошади, это старый Элайджа Ортон, уроженец Теннесси, которого вы все должны знать так же хорошо, как я, второго же я вижу первый раз. Парень совсем молодой и не похож на нашу братию, хотя и сидит на своей вороной так, точно сросся с нею: славный ездок, черт его возьми!

– Есть за что хвалить, – презрительно произнес один охотник, очевидно, мексиканец, судя по его бронзовому лицу, одежде и выговору, – у нас даже шестилетние мальчишки ездят не хуже.

– Осмелюсь вам заметить, сеньор Санчес, как вы себя величаете, что вы изволите быть чересчур пристрастным, – с оттенком иронии возразил Блэк Гаррис. – Этот молодой человек ездит несравненно лучше, чем многие взрослые мексиканцы, которые, сидя верхом на лошади, очень напоминают кошек, взобравшихся на спину козе. Кстати, теперь узнаю братового молодого всадника: это мой земляк, Эдвард О’Нил, из графства Типперэри в Ирландии. Он настоящий джентльмен не только по рождению, но и по воспитанию.

Мексиканец засверкал глазами и с угрожающим видом подошел было к Гаррису, но тот только презрительно передернул плечами и смешался с толпой других охотников, с возгласами любопытства окруживших Ортона и О’Нила, поднявшихся к ним на площадку.

К величайшему удивлению всех охотников, прибывшие не сошли с коней, а остались в седлах. В течение нескольких минут ни тот ни другой не были в состоянии произнести ни слова: они задыхались от бешеной скачки.

– Наверное, случилось что-нибудь важное, старина, – сказал Гаррис, пожимая молча протянутую Ортоном руку. – Это видно по тому, что ваши лошади еле держатся на ногах. Не в твоих привычках по пустякам загонять так бедных животных. В чем же дело? Уж не индейцы ли? Может быть, они напали на вас, и вы бежали от них?

– Нет, тут совсем другое, – ответил Ортон, с трудом переводя дыхание.

– Что же именно?

– А вот что, – начал Ортон, наконец, отдышавшись, – дело, действительно, касается индейцев, но они напали не на нас, а на партию переселенцев, шедших из Миссисипи и остановившихся нынче ночью на берегу Бижу-Крик. Насколько нам известно, индейцы часть переселенцев убили, а часть взяли в плен.

– Вот как! А что это за переселенцы? Ты их знаешь?

– Знаю. Это плантаторы из долины Миссисипи, они направлялись в Калифорнию.

– Значит, это мои земляки, – заметил молодой охотник, стоявший рядом с Блэком Гаррисом. – Я тоже с берегов Миссисипи.

– А нам очень интересно знать, откуда ты! – сердито обрезал его Гаррис, раздосадованный, что его прервали. – Так ты говоришь, – снова обратился он к Ортону, – что переселенцы ночевали на берегу Бижу-Крик, и что там на них напали краснокожие? Когда же это было?

– Сегодня на восходе солнца.

– Ну а тебе-то тут какая печаль?

– У меня есть друзья среди них.

– Да? Кто же именно?

– Об этом после. По-моему, впрочем, достаточно уже того, что это белые и что на них напали краснокожие, чтобы побудить всех порядочных людей помочь несчастным.

– Положим, это так. Ну, а какие же индейцы напали на них? Черноногие?

– Нет.

– Арапахо?

– Тоже нет.

– Тогда, выходит, шайены?

– Они самые.

– Ага! Ну, это самые жестокие и коварные из всех краснокожих.

– В том-то и дело, мой друг, – сказал Ортон.

– А ты узнал, кто ими предводительствует?

– Об этом нечего и спрашивать, – заметил один из охотников.

– Почему же? – осведомился Гаррис.

– Потому что шайенами всегда верховодит тот самый дьявол, которого называют Желтым вождем.

– Значит, и эта шайка была под предводительством Желтого вождя, Ортон? – спросило сразу несколько голосов.

– Да, друзья мои, – ответил старый охотник.

Этот ответ был встречен криками злобы и ненависти.

Охотники и обитатели форта не раз слышали о Желтом вожде, имя которого наводило ужас на всю территорию, расположенную между истоками Платта и Арканзаса.

Многим охотникам лично приходилось пострадать от злодеяний этого разбойника и они клялись отомстить ему при первом же удобном случае. К несчастью, Желтый вождь был очень осторожен, и поймать его было так же трудно, как ветер в степи.

Теперь все поняли, что Ортон явился в форт не просто так, а пригласить охотников выступить, объединившись, против Желтого вождя. Эта мысль заставила их забыть личные счета между собой и сойтись в единодушном желании ударить по общему врагу.

– Следовательно, вы явились с целью позвать нас на помощь переселенцам? – спросил Ортон один старый охотник.

– Да, и надеюсь, вы не откажетесь.

– О, конечно, – перебил охотник. – А как вы думаете, краснокожие сейчас в том месте, где стояли переселенцы?

– Едва ли, – ответил Ортон. – Против этого имеется несколько причин: первая та, что вчера, как я слышал, кто-то из вас встретился с их караваном...

– Это были мы, – в один голос сказали трое охотников, до сих пор стоявших молча. – Мы даже прошли с ними довольно большое расстояние, и сделали вместе полуденный привал, – добавил один.

– Значит, вы знаете кого-нибудь из них? – осведомился Ортон.

– Нет. Но мы узнали их проводника, чоктава, – продолжал тот же охотник. – Он обычно подолгу живет в окрестностях форта Бент. Индейцы зовут его Вабогой. Он пользуется дурной славой, поэтому мы предостерегали против него переселенцев, но, должно быть, они не

приняли во внимание нашего предостережения. Я уверен, что ему удалось обмануть, завлечь и предать их.

– Наверное, так, – сказал Ортон. – Я еще раньше слышал, что какой-то чоктав Вабога служит у Желтого вождя шпионом. Что же касается самого вождя, то он, по-моему, не решится остаться в такой близости от этого форта, а наверняка, поспешит уйти со своими пленниками. Вабога, конечно, передал ему о вашей встрече с караваном, и это могло внушить Желтому вождю опасение, не вздумали бы вы поинтересоваться дальнейшей судьбой переселенцев. Поэтому я думаю, что злодей уже ушел, но знаю, где он мог укрыться со своей шайкой и пленниками.

– Во всяком случае, нам не трудно будет напасть на его след, – сказал один из молодых охотников.

– Ну, это вовсе не так легко, как вы воображаете, – возразил Ортон, – краснокожие очень искусны в уничтожении своих следов.

– Как же быть в таком случае?

– По-моему, нам следует направиться прямо к тому месту, где Желтый вождь будет некоторое время скрываться.

– А ты, Элайджа, наверное, знаешь это место? – спросил Гаррис.

– Кажется, знаю.

– Так веди нас туда! – воскликнул Гаррис. – Только бы нам найти его, а там уж мы расправимся по-своему, будь покоен: перевешаем всех краснокожих на ближайших деревьях, а что касается самого Желтого вождя, то я задушю его своими собственными руками, не будь я Блэком Гаррисом!

– А я не буду Элайджей Ортоном, если не проведу вас ближайшим путем к логову этого зверя, – проговорил старый охотник.

– Отлично. Когда же, по-твоему, надо отправляться?

– Да чем скорее, тем лучше. Времени терять не следует.

– Ну, так значит, едем сейчас, – произнес Гаррис. – Кто с нами, друзья? – обратился он к толпе охотников.

– Я! Я! Мы все идем! – раздалось в ответ несколько десятков голосов.

Охотники мигом собрались в путь, сгорая от нетерпения встретиться лицом к лицу со страшным Желтым вождем шайенов и отомстить ему за смерть своих товарищей, имевших несчастье попасть к нему в руки.

Ортон и Нед едва успели, не сходя с лошадей, выпить по стакану бренди, закусить парой сандвичей и напоить коней, когда охотники, уже на лошадях, вооруженные с головы до ног, окружили их со всех сторон.

Их набралось всего двадцать пять человек, но все были люди храбрые и вполне опытные в стычках с краснокожими. Каждый из них, надеясь на свой длинноствольный карабин, был уверен, что справится с несколькими индейцами.

– Готовы, друзья? – спросил Ортон, окинув довольным взглядом группу всадников.

– Готовы, – в один голос ответили всадники.

– Ну, так с Богом, за мной!

С этими словами старый охотник выехал вперед и, прищипорив коня, быстро понесся вниз с возвышения по направлению к прерии. Вслед за ним направился и маленький отряд смелых искателей приключений.

Глава 10. Индейцы и их пленники

Мы снова находимся в той лощине, откуда Желтый вождь шайенов двинулся на лагерь переселенцев.

Отряд охотников еще не появился, и краснокожие наслаждаются отдыхом после своего подвига, считая себя в полной безопасности в этом убежище.

День в полном разгаре; солнце медленно плывет по безоблачному небу, приближаясь к зениту.

Обрамление картины осталось тем же, что накануне ночью, но содержание самой картины изменилось. Прежде всего, прибавилось много новых людей, да и прежние ведут себя иначе, чем в то время, когда мы в первый раз увидели их при свете луны и костра. Тогда индейцы держались тихо и с полным достоинством, как следует воинам, отправляющимся в набег; теперь же, опьяненные победой, а отчасти и спиртным, они предаются самому необузданному веселью, выражающемуся в диких движениях, прыжках, беготне, громких криках и хохоте.

Одни бесцельно бродят взад и вперед по лощине, другие лежат в высокой траве и, размахивая руками, что-то бормочут и кричат заплетающимися языками; третьи исполняют дикую отвратительную пляску, сопровождая ее наводящим ужас гиканьем, и только немногие, сдерживаемые уважением к вождю, настолько сохранили самообладание, что могут наблюдать за лагерем и за пленными.

Пленные были разделены на три группы, расположенные отдельно, недалеко одна от другой; к каждой из них приставлен караульный.

Негры – мужчины, женщины и дети – сидят тесной группой в углу, образуемом двумя утесами. Хотя они и не связаны, но возможности бежать у них нет, так как при первом подозрительном движении они будут беспощадно убиты стоящим рядом караульным.

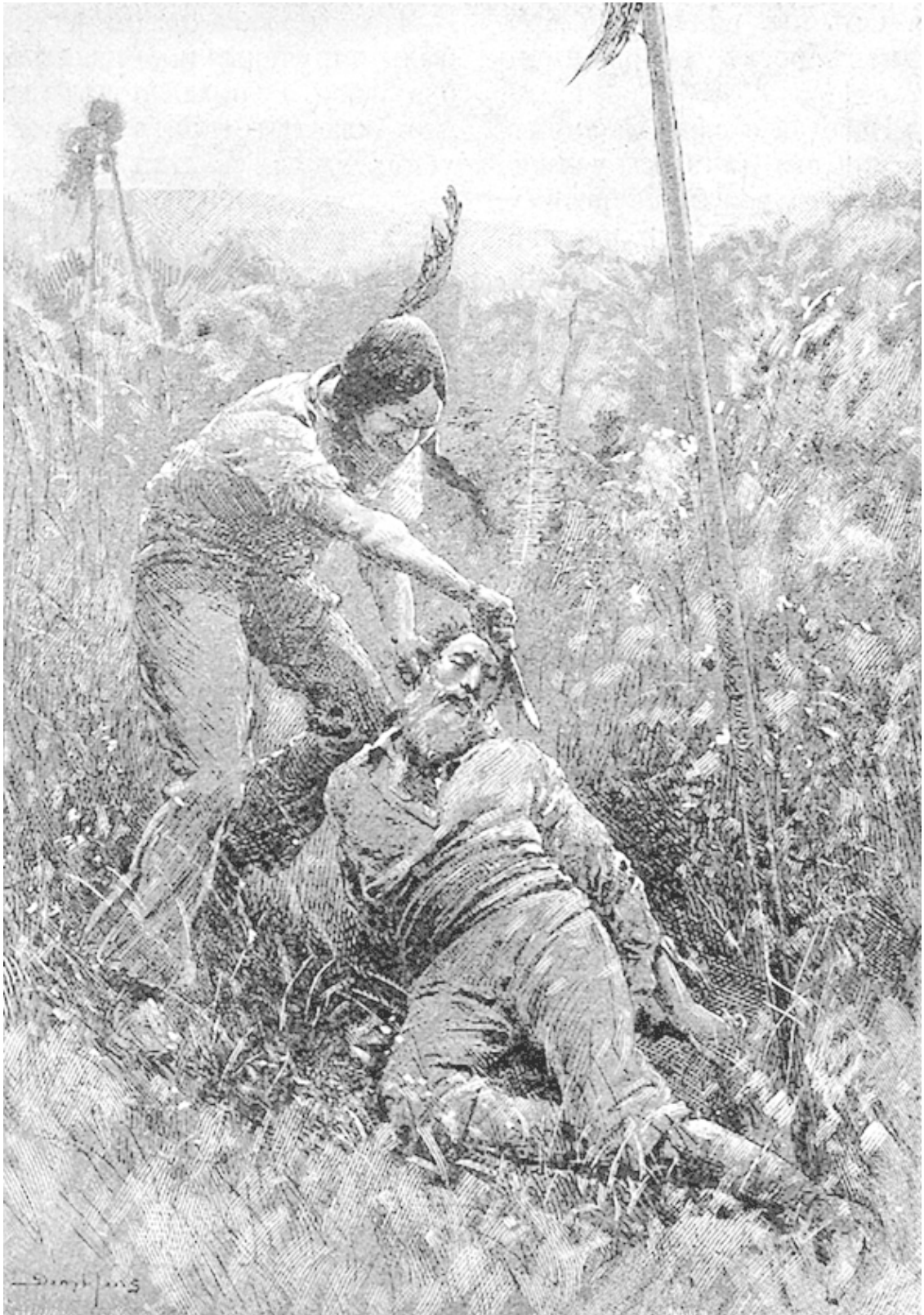
Впрочем, они и не думают бежать. Ведь их положение, в сущности, мало изменилось: они только перешли из рабства в плен, а это почти одно и то же. И если бы не боязнь быть убитыми, они были бы совершенно спокойны.

Вторая группа состоит из пяти белых женщин и пятнадцати детей, самому старшему из которых лет тринадцать, а младшему пять. Среди этих женщин особенно выделяется одна, возле которой нет детей. Хотя она достигла уже возраста материнства, но по ее лицу и фигуре видно, что это еще девушка.

Эта девушка – мисс Клара Блэкаддер.

Сидя отдельно от своих товарок по несчастью, она погружена в грустные размышления.

Да, у нее нет детей, о которых трепетало бы сердце, зато она терзается скорбью при воспоминании о тех взрослых, которые пали жертвами индейцев, а главное – о своем старом отце; на ее глазах он был убит и оскальпирован. Никогда Клара Блэкаддер не забудет ужасного зрелища, при виде которого лишилась чувств.

Никогда она не забудет ужасного зрелища, при виде которого лишилась чувств

И теперь, как только бедная девушка поднимает глаза, она видит этот скальп, надетый на копье, воткнутое неподалеку от нее в землю. С этого скальпа капля по капле стекает на траву кровь – та самая кровь, часть которой течет в жилах самой Клары!

Третья группа состоит из шести крепко связанных белых мужчин. В караване находилось всего девять белых мужчин, трое из них были убиты.

И, действительно, рядом с тем копьем, на конце которого прикреплен седой скальп эсквайра Блэкаддера, находятся еще два таких же копья со скальпами, снятыми с убитых. Разумеется, подобная же участь постигла бы и пленников, если бы Желтый вождь не распорядился взять их живыми. Только это приказание спасло их.

Среди оставшихся в живых мы знаем только двоих: Блонта Блэкаддера и бывшего надсмотрщика плантации мистера Снайвли. У последнего на правой стороне лица зияет глубокая рана, очевидно, нанесенная копьем. Внешность этого человека и раньше не отличалась привлекательностью, а теперь стала прямо ужасна.

Индейцы сожгли все имущество злополучных переселенцев, за исключением денег, драгоценностей и кое-какой одежды, в которую могли бы нарядиться шайенские скво. Только с одной повозки они сняли кузов и устроили из него в ложине шатер для своего вождя, где в эту минуту он и отдыхает.

Вход в шатер охраняется Вабогой и воином, приставленным к вождю для его личных услуг. Оба индейца охраняют покой вождя не потому, что боятся какой-нибудь опасности, а просто потому, что так принято. Кроме того, они по опыту знают, что вождь проспит недолго и прежде всего будет нуждаться в их услугах.

Полуденный зной клонит и их ко сну, но они стойко противятся искушению прилечь тут же на траве и закрыть глаза; минутная слабость могла бы им дорого стоить, потому что вождь шутить не любит и не простит подобного баловства.

Белые пленные шепотом обмениваются друг с другом своими впечатлениями, чувствами и опасениями за будущее. Они страдают не только от всего уже испытанного, но и от сознания того, что их могут предать самой мучительной смертью.

— Хорошо бы, — говорит Снайвли, — если бы злодеи сразу убили, но они, вероятно, не это задумали. Иначе не стали бы тащить нас сюда, а покончили с нами на том месте, где напали... Впрочем, кто их знает, быть может, они и вовсе нас не тронут, а только будут держать в плену и заставят работать на них. Бывает иногда и так. Дай Бог! Тогда у нас все-таки останется надежда когда-нибудь спастись бегством. На что им, в сущности, наша смерть?

— Им не смерть наша нужна, — произнес лежавший рядом со Снайвли бывший плантатор и приятель Блэкаддера, — а наши скальпы. Разве вы не знаете, что индейцы больше всего дорожат скальпами, особенно молодые, которым хочется отличиться. Ведь с каждым лишним скальпом растет слава доблестного воина. Нет, они никогда не откажутся воспользоваться этими трофеями ради каких-нибудь других интересов.

— Увы, это верно! — со вздохом подтвердил третий.

— Однако я слышал, — снова заговорил Снайвли, — что скальпы считаются у них почетными трофеями только тогда, когда сняты во время битвы с живых или мертвых врагов, но раз они берут кого-нибудь в плен, то никогда не снимают с него скальпа. Мы же взяты в плен, поэтому едва ли они намерены лишить нас наших головных украшений.

— Ну, я не думаю, чтобы эти негодяи были способны на такие тонкие различия, — заметил плантатор. — Да вы только посмотрите на них: две трети из них мертвецки пьяны, и им каждую минуту может прийти в голову мысль позабавиться снятием с нас скальпов. Я дрожу каждый раз, когда кто-нибудь из этих зверей смотрит в нашу сторону.

— Успокойтесь, — сказал Снайвли, — вождь запретил им приближаться к нам; я слышал это собственными ушами и уверен, что никто, как бы он ни был пьян, не осмелится ослушаться вождя. Наконец, и караульный не допустит никого из них к нам. Нет, пока еще мы в полной безопасности, а вот проснется вождь, тогда неизвестно, что будет.

Один Снайвли не терял бодрости и надеялся на благоприятный исход. Но все его товарищи предавались самым мрачным опасениям и готовы были умереть просто от страха.

Что касается пленниц, то они до такой степени были удручены постигшим их несчастьем и боязнью будущего, сулившего им нечто хуже смерти – бесчестье, что даже и говорить не могли. У одной из них был убит муж, скальп которого она видела на одном из копий, другая потеряла брата – его скальп был третьим. Остальные пленницы, хотя еще и не потеряли никого, но дрожали за участь своих детей и за свою собственную.

Поэтому все они сидели молча, вздрагивая при каждом взгляде, бросаемом в их сторону индейцами.

Вабога и его товарищ, сидя около палатки вождя, тоже, подобно пленникам, вели довольно оживленную беседу, стараясь говорить как можно тише.

– Как ты думаешь, – говорит Вабога, – кому достанется та красивая девушка, которая сидит в стороне от своих подруг? Я прозвал ее про себя Белой Лилией. Лакомый кусочек, честное слово! Всю дорогу я на нее любовался.

– Кому же, как не вождю, – отвечает его собеседник.

– Да, это верно. Мне кажется, вождь ради нее собственно и начал все дело. Я это понял по некоторым его словам.

– Что ж, и не мудрено: он мог раньше видеть эту бледнолицую красавицу и прельститься ею. Вот он и выследил ее, налетел, по своему обыкновению, орлом и забрал в плен. Теперь она уж от него не отвертится.

– Да, уж он своего не упустит... А если бы ты видел, как он весь затрясся, когда увидел ее, хоть и умеет скрывать свои чувства, но все-таки...

– Ну, это его забота, – перебил шайен. – Он вождь, и мы в его дела не лезем. Видно, что ты, Вабога, много вертелся среди бледнолицых и выучился у них всех судить... А по-нашему, кто выше нас, того судить не следует.

– Да я только так говорю, чтобы провести время, – оправдывался чоктав. – Я ведь тоже всю ночь не спал и готов задремать, поэтому и пустил в ход язык – это самое лучшее средство, чтобы отогнать сон.

– Я тоже не спал, но все-таки умею держать язык за зубами, – сказал шайен.

– Ну а я не могу. Я должен болтать всякий вздор, чтобы не заснуть, потому что привык спать, хоть немного, но каждую ночь.

– И этому ты научился у бледнолицых: они тоже спят каждую ночь. Да, ты совсем перестал походить на индейца, Вабога. Тебе теперь только и осталось вымазать рожу белой краской, чтобы окончательно перестать быть краснокожим. Одежду и язык ты давно уже изменил.

– Да ведь это я сделал для вашей же пользы – разве иначе я мог бы обманывать бледнолицых?

– Это верно. Но, по-моему, лучше действовать напрямик, чем так...

Неизвестно, что еще хотел сказать шайен, но в это время вдруг произошло нечто совершенно неожиданное, заставившее его замолчать. Один из пьяных с громкими криками подбежал к шатру и выразил желание видеть вождя, чтобы потребовать у него бледнолицую красавицу.

Телохранители вождя бросились урезонивать пьяницу, но это удалось им не скоро и то только при помощи крутых мер: буян до тех пор не унялся, пока ему не скрутили руки и ноги и не завязали рот.

– Вот вы говорили, что они боятся вождя? – прошептал Снайвли плантатор. – Трезвые, может быть, действительно боятся, а пьяным, известно, море по колено! Видите, один хотел даже ворваться к вождю, насилие его утомили... Ах, нет, я так и жду, что они сейчас набросятся на нас и начнут сдирать волосы!

– Успокойтесь, они не сделают этого, – возразил Снайвли. – Насколько я понял из криков этого краснокожего, – я ведь немного знаю их язык, – дело шло о Кларе Блэкаддер, кото-

рая всем представляется лакомой добычей... Бедная девушка! Я хотя и не из жалостливых, а за нее и мое сердце болит.

– А каково мне видеть жену и детей во власти этих дьяволов? – произнес еще один из пленных, раненый в плечо, – Если бы было можно, я лучше убил бы их собственными руками, чем отдавать на поругание.

– Да, и я сделал бы то же самое, – отозвался другой. – И нужно же нам было послушаться этого старого дурака, Блэкаддера, соблазнившего нас следовать за ним! Он всему виной.

На это замечание Блонт Блэкаддер, наверное, энергично возразил бы, если бы не был погружен в глубокий сон.

Но вот вдруг из шатра послышался голос вождя, звавшего к себе часовых. В лагере все встрепенулись. Пленники разом умолкли и со страхом стали ожидать появления человека, который должен был решить их участь.

Глава 11. Возмездие

По приказанию вождя Вабога привел к шатру несколько молодых наиболее трезвых воинов. Вождь сказал им несколько слов, после чего они со злорадным хохотом поспешно направились к белым пленникам.

Очевидно, им было приказано сделать с пленниками что-то ужасное, судя по тому, что свирепые физиономии индейцев так и светились предвкушением наслаждения, которое они будут испытывать при виде страданий ненавистных белых.

И действительно, Желтый вождь придумал для пленных – пока, впрочем, только для одного из них – такую пытку, какая никому не могла прийти в голову.

Подойдя к связанным пленникам, индейцы схватили только что проснувшегося Блонта Блэкаддера, отнесли его в сторону и быстро развязали ноги. Потом подхватили под руки и повели по направлению к водопаду.

Крик ужаса вырвался из груди молодого прожигателя жизни, когда он понял, что его хотят подвергнуть той самой пытке, которой он когда-то подвергал других.

Не меньшим ужасом были поражены и остальные пленники, уверенные, что и их черепа будут медленно раздроблены широкой струей ледяной воды, со страшной силой низвергавшейся со скалы. Это было несравненно мучительнее смерти, какой бы она ни была.

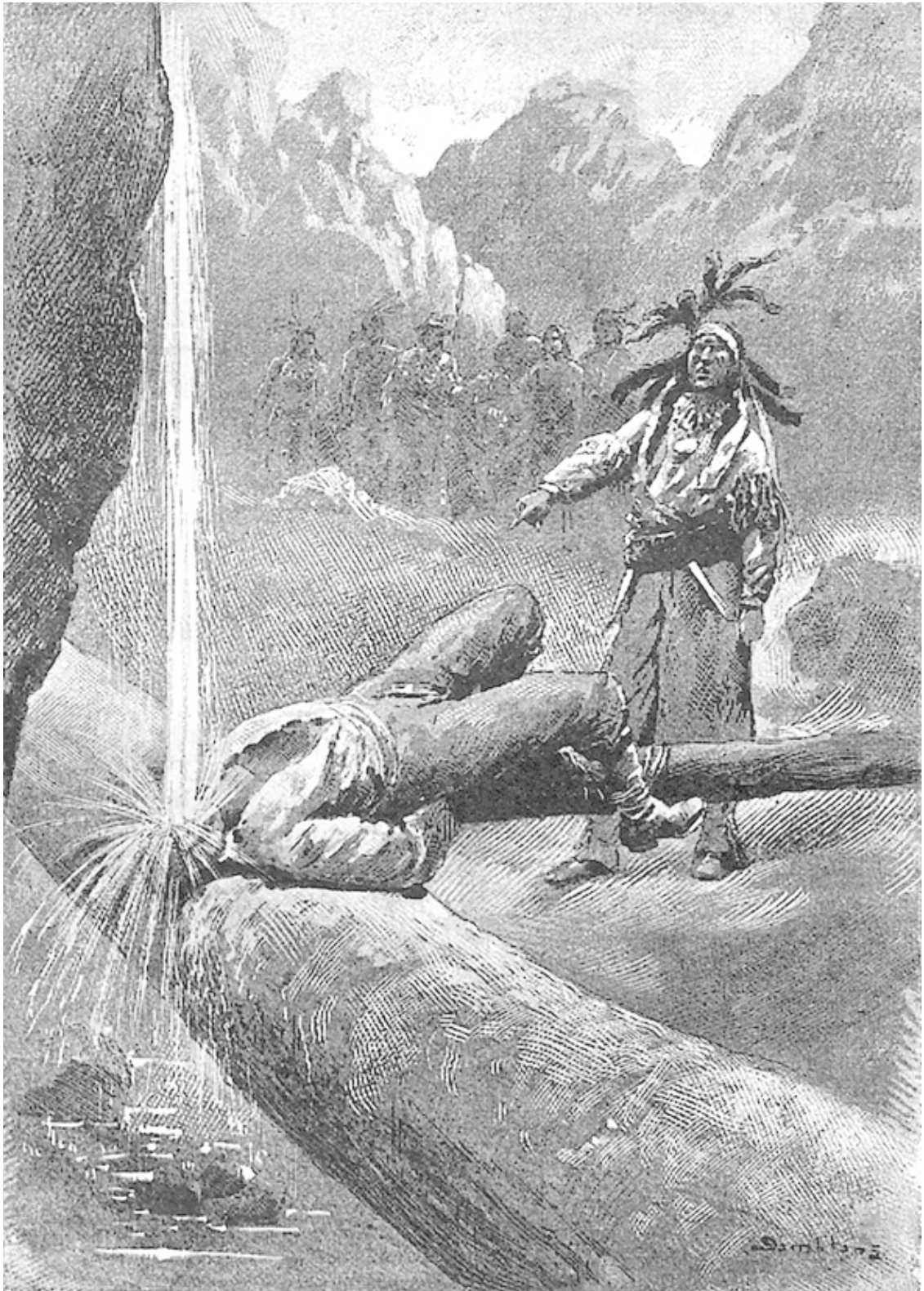
Под водопадом лежало громадное дерево, сваленное бурей. К нему индейцы и привязали свою жертву так, что лицо Блонта оказалось как раз под водяной струей, и он не мог пошевелить головой, если не хотел быть задушенным веревкой, несколько раз обмотанной вокруг горла.

Все индейцы, за исключением самых пьяных, еще не проспавшихся, собрались к месту пытки и шумно выражали свою радость по поводу предстоявшего интересного зрелища.

Желтый вождь медленно приблизился к ним и заставил расступиться так, чтобы всем пленникам была видна картина того, что потом ожидало и их.

Прошло несколько мгновений томительного ожидания, в течение которых вождь с выражением бесконечного торжества смотрел на беспомощно лежавшего перед ним врага, о голову и лицо которого водопад дробился миллионами брызг, ярко сверкавших на солнце и резавших лицо.

– Теперь пришла и твоя очередь, Блонт Блэкаддер! – раздался вдруг громовой голос вождя на чистейшем английском языке, заглушивший даже шум водопада. – Вкатить недюю двойную порцию! – прибавил он, еще более повышая голос.

– Теперь пришла и твоя очередь!

Эти ужасные слова, гулко повторенные отголоском скал, достигли слуха Блонта, несмотря на шум водопада, хлеставшего по голове, ослеплявшего и оглушавшего его.

Несчастный с усилием открыл глаза и рот; очевидно, он хотел просить своего палача о пощаде или проклясть, но тотчас же был вынужден снова закрыть их, иначе вода выбила бы ему глаза и задушила бы его.

Но и этого момента хватило, чтобы узнать того, кто скрывался под личиной Желтого вождя. Он понял, что скорее можно было ожидать пощады от настоящего дикаря, чем от этого человека, который так хорошо говорил на его родном языке.

Слова вождя донеслись и до остальных пленников и подействовали на них подобно громовым ударам.

Снайвли задрожал с головы до ног и тщетно силился приподняться, чтобы разглядеть подробнее Желтого вождя. Клара Блэкаддер тоже с особым вниманием взглянула теперь на эту таинственную личность и начиная, подобно брату, догадываться, кто это мог быть, побледнела как смерть и затрепетала всем телом.

– Да, вкатить негодяю двойную порцию! – повторил Желтый вождь, причем его раскрашенное лицо приняло выражение такой адской радости, что даже самый храбрый человек должен был прийти в ужас при взгляде на него.

Снайвли припомнил тот далекий день, когда слышал точь-в-точь такое же приказание, отданное молодым, дрожавшим от злобы и ненависти голосом.

Но почему эти слова повторяются вождем индейского племени шайенов через пять с лишним лет и на расстоянии нескольких сот миль от того места, где они раздались впервые из уст того, кто теперь переносил пытку, к которой он тогда приговаривал другого?

Это была тайна, ключа к которой Снайвли пока не находил.

Побледнели и негры, то есть их черные лица приняли землистый оттенок.

– Что бы это значило? – проговорил один из них. – Ведь то же самое кричал и молодой масса Блонт пять лет тому назад на плантации, когда приказывал положить под насос Синего Дика. Помните, братцы?

– Помним, как не помнить, – отозвался другой. – Мы все тогда присутствовали при наказании Дика.

И чернокожие задрожали при воспоминании о том, как они издевались над несчастным мулатом, подвергавшимся одной из самых ужасных пыток.

В эту минуту в их курчавых головах мелькнула мысль, что они в тот день были очень неосторожны и жестоки, и что им теперь, может быть, придется расплачиваться за те дурные чувства, которые они тогда так громко высказывали.

И негры с такой же жадностью, как Снайвли и Клара Блэкаддер, стали ловить каждое движение и каждое слово Желтого вождя, которое подтвердило бы или разрушило их ужасное подозрение.

Между тем тот, на кого теперь было обращено внимание всех пленных, стоял молча и неподвижно, завернувшись в белую мантию, и не сводил горящего ненавистью взгляда со своей злополучной жертвы.

Все видели, что он следит за каждым подергиванием мускулов Блонта и с чувством знатока наслаждается муками, которые тот испытывал в эти страшные минуты.

Наконец, он отвернулся и, разразившись дьявольским хохотом, кратко приказал:

– Отвязать его!

Вабога поспешил исполнить приказ, затем с помощью двух шайенов поднял полумертвого Блонта на руки и отнес на место, где пленник лежал раньше.

– На этот раз довольно, – продолжал вождь, мгновенно принимая свое обычное серьезное и полное достоинства выражение. – Но в другой раз я прикажу окачивать этого бездельника водой до тех пор, пока его толстый череп не продырявится как сито!

Клара Блэкаддер с глухим стоном закрыла глаза и опрокинулась навзничь. Едва не лишился чувств и хладнокровный Снайвли: молодая девушка и бывший надсмотрщик план-

тации ее отца теперь удостоверились, что в лице пресловутого Желтого вождя встретились с человеком, которого отлично знали прежде, но о существовании которого успели забыть.

– Так и есть! – пробормотал сквозь зубы Снайвли. – Мы попались в руки тому, кто лучше всякого другого сумеет доказать нам истину пословицы, гласящей, что «как аукнется, так и откликнется».

Товарищи Снайвли ничего не знали о драме, которая пять лет тому назад разыгралась на дворе плантации эсквайра Блэкаддера, поэтому все, что сейчас происходило перед их глазами, не имело для них такого значения, как для бывших участников и свидетелей той драмы.

Снайвли закрыл глаза и принялся обдумывать свое положение. Он отлично понимал, что Желтый вождь наверняка подвергнет и его той пытке, которую только что вынес Блонт Блэкаддер.

Мозг англичанина лихорадочно заработал и принялся искать способы избежать этой ужасной участи. Но что было предпринять? Кроме попытки спастись бегством другого средства не было.

Снайвли взглянул на свои руки, которые были скрещены у него на груди и в таком виде связаны веревкой. Внимательно разглядывая веревку, он заметил, что она в одном месте была так пропитана кровью, что вся промокла и растрепалась, и ее не особенно трудно будет перегрызть зубами.

Может быть, удастся сделать это, а потом бежать? Если его и поймают, то взбешенный вождь, наверное, прикажет тут же убить его; это все-таки гораздо лучше, чем испытывать муку водяной пытки.

Нужно сделать эту попытку, а там – будь что будет. Быть может, она и удастся. Смелым, говорят, Бог помогает. В сущности ведь только то положение безнадежно, из которого сам человек не старается выйти.

Эти соображения вихрем пронеслись в голове энергичного англичанина. Пользуясь тем, что все индейцы столпились в это время вокруг полумертвого Блонта Блэкаддера, он перевернулся лицом вниз и, полускрытый за выступом скалы, начал перегрызать зубами веревку, связывавшую его руки.

Через несколько минут ему настолько удалось растрепать зубами волокна веревки, что перегрызть каждое из них в отдельности не представляло уже особенного труда. На все потребовалось минут десять. Освободив руки, Снайвли осторожно развязал и ноги; потом, улучив момент, он резко поднялся на ноги, перепрыгнул через своего соседа, лежавшего с краю, и изо всех сил пустился бежать по направлению к равнине. Товарищи его только ахнули от изумления и завистливыми глазами стали смотреть ему вслед.

– Как это он ухитрился снять с себя узы? – прошептал его сосед, бывший плантатор. – Должно быть, перегрыз: недаром он вдруг перевернулся ничком.

– Да, но только напрасно он это сделал, – заметил другой, – все равно ему далеко не убежать. Только эти звери еще больше обозлятся и начнут вытягивать из нас жилы.

– Эх, и без того не пощадили бы, – сказал третий, – нам теперь и осталось только молиться за спасение своих душ.

А Снайвли, подгоняемый инстинктом самосохранения, стремился уйти дальше от лагеря. Путаясь и падая в высокой траве, он тут же снова вскакивал на ноги и продолжал свой отчаянный бег с препятствиями.

Весь вопрос теперь сводился к тому, успеет беглец достичь другого ущелья, расположенного в нескольких милях от той лощины, из которой он бежал, или нет. Ущелье это было сплошь усеяно нагроможденными друг на друга обломками скал, заросшими мелким хвойником и ползучими растениями.

Попав туда, Снайвли нечего было опасаться преследования, потому что он легко мог спрятаться в обломках скал.

Лошади индейцев паслись у входа в лощину, и ноги у них были спутаны. Снайвли совершенно резонно рассчитал, что если индейцы и тотчас заметят его бегство, то пока они добегут до лошадей и распутают им ноги, пройдет несколько минут, которые у него все-таки будут в выигрыше. В остальном англичанин надеялся на свою силу, ловкость и энергию.

Но беглец ошибся в расчетах. Он был уверен, что за ним погонятся только верхом, а между тем его преследовал человек, тоже пеший, как он сам, и вдобавок еще более сильный и ловкий благодаря молодости. Это был Желтый вождь.

Заметив бегство Снайвли в первый же момент, он, не теряя времени, выхватил у одного из своих воинов копье, сбросил с себя мешавшую мантию и пустился вслед за улепетывавшим во весь дух англичанином.

Шайены, не получив приказа следовать за вождем, остались на своих местах: они знали, что если понадобятся ему, то он подаст им знак.

Между тем, Снайвли внезапно исчез в ущелье, а через минуту от взоров наблюдателей там же скрылся и Желтый вождь. Некоторое время не было слышно ничего, кроме треска ветвей и шума скатывавшихся вниз камней, которые попадали под ноги беглеца и его преследователя, стремившихся наверх. Затем вдруг послышался громкий голос Желтого вождя:

– Еще одно движение – и я проткну тебя копьем, рыжая собака!

Ответа не последовало.

– Не упирайся, проклятый мучитель негров! – снова раздался голос вождя. – Следуй за мной, иначе тебе тут же конец!

Очевидно, преследователь догнал беглеца и держал его в руках.

– А, ты все еще упорствуешь! – продолжал тот же голос. – Разве ты не видишь, несчастный, что тебе не уйти от меня? Напрасно ты и пытался! Я слишком долго искал тебя, чтобы так легко позволить тебе ускользнуть. Я знал, чего можно от тебя ожидать, поэтому все время наблюдал за каждым твоим движением. Говорят тебе – не упорствуй! Не беспокойся, я не смерти твоей хочу, иначе давно бы мог убить тебя вместо того, чтобы торговаться с тобой столько времени.

Несчастному англичанину оставалось только перескочить через один выступ утеса, чтобы быть в безопасности, когда Желтый вождь настиг его и схватил за край одежды.

Снайвли рванулся было изо всех сил, но железная рука противника крепко держала его и тянула вниз. Англичанин молча стал упираться, чтобы выиграть время и обдумать, что предпринять дальше. У него мелькнула мысль напрячь все свои силы, освободиться из рук преследователя и, бросившись на него, попытаться задушить.

Но осуществить это ему не удалось: Желтый вождь ловким движением руки накинул на шею Снайвли лассо и снова крикнул:

– Вот теперь ты поневоле пойдешь за мной, если не хочешь быть задушенным! Впрочем, тебя, пожалуй, понесут. Это будет еще удобнее и... почетнее, – насмешливо прибавил он и испустил резкий крик какой-то птицы.

Через несколько минут прибежало человек десять индейцев. По знаку своего вождя они вновь связали беглецу руки и ноги и с торжеством понесли его обратно в лощину.

Желтый вождь спокойно последовал за этим триумфальным шествием.

Когда все вернулись в лощину и Снайвли был уложен на прежнее место, вождь приказал приставить к пленным усиленный караул, а сам направился к ручью.

Там он смыл с лица пестрый грим и снова возвратился к пленникам.

Увидев и узнав теперь настоящее лицо вождя, смуглое и прекрасное, как у древней бронзовой статуи, Снайвли громко застонал и заскрежетал зубами.

Остальные пленники с изумлением смотрели на вождя, преобразившегося из индейца в мулата, совершенно не понимая, что значит эта метаморфоза.

Клара Блэкаддер, пришедшая было в себя, при взгляде на представшего теперь перед нею во всей своей красоте мулата, дико вскрикнула и снова упала в обморок.

У пораженных ужасом негров тоже вырвался единодушный крик:

– Так и есть – это Синий Дик!

Глава 12. Помощь

Пока в одной из лощин Скалистых гор происходили вышеописанные события, к ней под прикрытием разбросанных по равнине горных отрогов осторожно приближался отряд всадников. Это были охотники, собранные Элайджей Ортоном в форте Сент-Врен.

Сначала отряд продвигался очень быстро, а теперь Ортон распорядился умерить шаг, тем более что грунт становился очень неровным и местами был усеян обломками скал, клубками лиан и других ползучих растений.

Рядом с Ортоном ехало двое охотников, уже знакомых нам. Один из них был Эдвард О'Нил, трепетавший от нетерпения и сильно сокрушавшийся по поводу того, что лошади не имеют крыльев, другой – Блэк Гаррис.

Остальные охотники следовали за ними отдельной группой. Многие из трапперов, как люди предусмотрительные, не забыли захватить с собой по бутылке бренди и для большего воодушевления то и дело прикладывались к ним. А так как ради этого приходилось останавливаться, хотя и не надолго, О'Нил все время сильно волновался и выходил из себя – молодой человек считал эти остановки совершенно лишними и уверял, что они делаются охотниками нарочно для того, чтобы их поездка не достигла цели.

– Что ты все ворчишь, дружище, – говорил ему Ортон, – потеря нескольких минут ровно ничего не значит. Будь спокоен, поспеем. Индейцам только бы взять кого-нибудь в плен и быть уверенными в безопасности, тогда они не очень спешат. Вообще нам нечего бояться, что мы не поспеем вовремя, и я советовал бы тебе не тратить своего пыла даром.

В ответ на это молодой человек только вздыхал и начинал ворчать про себя.

– Вернее всего, – продолжал старый охотник, – что индейцы валяются мертвецки пьяные, поэтому ничего против пленников до завтра не предпримут. Таким образом, у нас еще много времени для того, чтобы предупредить гибель той, за которую ты так опасаешься.

После этих увещаний своего старого друга молодой человек ненадолго успокаивался, но потом снова начинал волноваться. Ему припомнилось все, что он слышал о Желтом вожде, который из всех индейских предводителей, охотившихся на белых, пользовался славой самого лютого и беспощадного, особенно в отношении попавших в его лапы женщин.

Последнее обстоятельство объяснялось тем, что он когда-то был жестоко оскорблен белой девушкой и теперь искал постоянно случая выместить эту обиду на всех женщинах ее племени.

В подтверждение этого факта рассказывалось множество ужасных историй, припоминаемые которые Нед чувствовал, как у него в жилах стынет кровь и волосы на голове поднимаются дыбом.

– Ради Бога, пойдёмте скорее, – не своим голосом умолял он, не в состоянии подавить мучительные мысли, что, быть может, в эту самую минуту Клара Блэкаддер подвергается какой-нибудь ужасной пытке.

– Не горячись, мой друг, имей терпение, – сказал Ортон, – мы уже близко от того места, где, по моим расчетам, должны находиться наши враги, поэтому следует быть как можно осторожнее и не скакать сломя голову. К тому же видишь, что здесь при быстрой езде лошади на каждом шагу могут сломать себе ногу, а это уж вовсе нежелательно. Ты дал слово слушаться меня – так докажи это на деле.

– О, боже мой, какое мучение, – с отчаянием простонал молодой человек, но все-таки покорно придержал лошадь и решил скрепя сердце следовать всем указаниям и советам своего опытного друга, чтобы не испортить дела какой-нибудь опрометчивостью.

Ортон слишком хорошо изучил нравы и обычаи индейцев и знал что последние, как бы они пьяны ни были, никогда не забудут расставить вокруг своего лагеря часовых. Он

твердо был убежден, что и шайены и в данном случае не пренебрегли этой предосторожностью, несмотря на то, что могли считать себя в полной безопасности в той лошине, где он надеялся их найти. Так как краснокожие не могли и подозревать, что белые узнали об их ночном подвиге, то, разумеется, не ожидали, что кто-то может нарушить их покой. Но тем не менее, как подсказывал Ортону его многолетний опыт, они все-таки должны были расставить караульных и, быть может, даже выслали разведчиков в ту сторону, откуда их лагерь был более доступен.

Подъехать открыто к лагерю было бы безумием. Заметив их приближение, краснокожие тотчас же поспешили бы скрыться вместе со своими пленниками, по крайней мере, с наиболее важными из них. В случае же, если бы индейцы нашли необходимым вступить в бой с противниками, они поспешили бы прежде всего оскальпировать своих узников.

Кроме того, следовало принять во внимание и то обстоятельство, что лошади индейцев не были измучены как лошади охотников, совершавших дальний и трудный путь. Ясно было, что если разбойники захотят скрыться, их нельзя будет догнать.

Продолжая размышлять, старый охотник пришел к заключению, что есть одно только средство обеспечить успех – это дожидаться ночи поблизости лагеря краснокожих и тогда попытаться забраться в него.

Сделав спутникам знак остановиться, Ортон сообщил им свой новый план.

– Ах, Элайджа, Элайджа! Неужели вы не можете придумать чего-нибудь другого, чтобы не ждать так ужасно долго и не терять драгоценного времени? – с мольбой произнес несчастный измученный Нед, чуть не плача.

Старик немного подумал, потом сказал:

– Положим, есть еще один способ забраться в логовище наших врагов, но очень трудный и рискованный.

– Какой же это способ? Ради Бога, говорите скорее, Элайджа, не томите меня! – вскричал молодой ирландец, схватив друга за руку.

– Видишь эти высоты? – спросил Ортон, указывая на горную цепь, возвышавшуюся перед ними.

– Еще бы не видеть, это ведь не песчинки, – заметило несколько голосов.

– Ну и что же? – спросил Нед, впиваясь глазами в лицо старого охотника.

– Вы замечаете, друзья мои, что эти скалы, покрытые лесом, образуют как бы полукруг? – продолжал Ортон.

– Это верно. Что же дальше? – приставал Нед.

– А вот что. В середине этого полукруга, у самого его подножия и расположен лагерь Желтого вождя, – ответил старый охотник. – Нужно подняться на эти высоты и оттуда спуститься вниз, прямо, так сказать, на головы индейцам.

– Ну, вот и отлично! – воскликнул О’Нил, весь просияв. – Мы так и сделаем. Идемте! И он хотел уже спрыгнуть с лошади.

– Постойте, молодой человек, не спешите, – остановил его Блэк Гаррис, который считался не менее опытным, чем Элайджа Ортон. – Видно, что вы еще новичок в такого рода делах. Помните, что в подобных обстоятельствах мало одной храбрости и отваги, а необходимы, кроме того, осторожность и благоразумие. План Ортона хорош, но нам прежде всего нужно подумать куда мы денем своих лошадей, пока будем взбираться на высоты. Нельзя же оставить их здесь, в открытой местности, на добычу зверям и бродягам. Кроме того, следует подумать о том, можно ли нам будет обойтись без лошадей, когда мы достигнем цели? Ведь мы можем легко погибнуть от одного того, что окажемся пешими.

– Да, ты прав, Гаррис, – задумчиво проговорил Ортон. – Я вот хоть и травленный волк, а этого не сообразил. Конечно, без лошадей нам не обойтись. Но постойте, – продолжал он, хлопнув себя рукой по лбу, – я сейчас кое-что вспомнил: это поможет нам выйти из затруд-

нения. Недалеко отсюда есть тропинка. По ней мы совершенно незамеченными можем проехать вплоть до тех скал, на которые нам следует подняться. Сколько бы ни выслал Желтый вождь разведчиков, они все-таки не заметят нас, если мы направимся этим путем. Только он идет в обход, и нам придется ехать часа два.

– Это ничего не значит, лишь бы нам иметь уверенность в успехе, – заметил Гаррис.

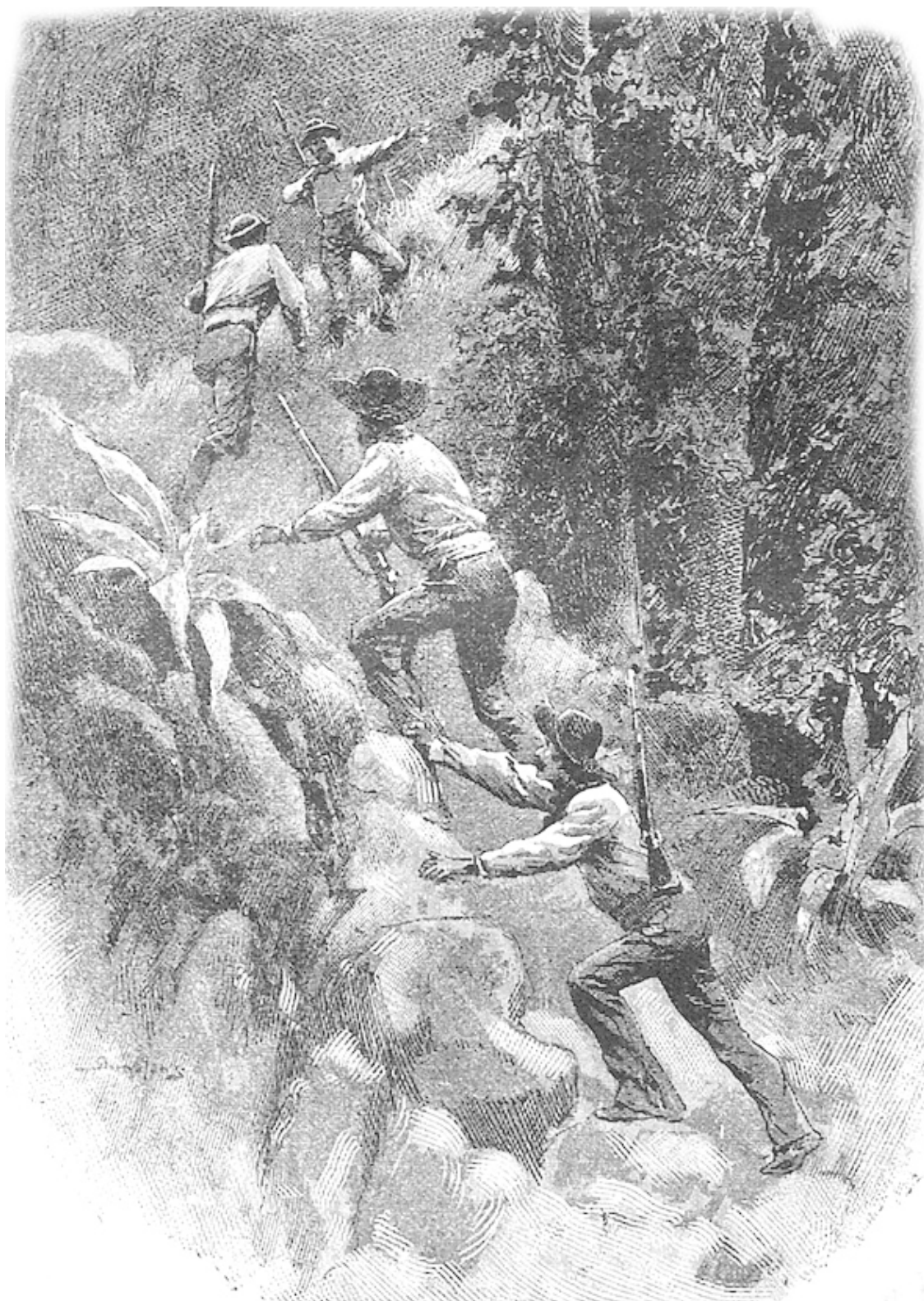
– Ну, так едем. Указывайте дорогу, Элайджа! – вскричал молодой ирландец, едва помня себя от страшного нетерпения и боязни опоздать на выручку своей возлюбленной.

Ортон свернул в сторону и направился вдоль горной цепи, где раскинулся густой лес. Спутники последовали за ним, зорко осматриваясь по сторонам глазами опытных охотников. Один Нед стремился вперед, не обращая ни на что внимания, всецело углубленный в свои горькие размышления.

Въехав в лес, отряд стал пробираться между густо росшими массивными деревьями по едва заметной тропинке, очевидно, проложенной какими-нибудь крупными животными.

Было пять часов дня, когда охотники добрались до подножия тех утесов, между которыми находилась лощина, выбранная Желтым вождем для стоянок во время своих походов.

Привязав всех лошадей внизу к деревьям, Ортон и его спутники молча, соблюдая осторожность, стали взбираться на один из самых крутых утесов, цепляясь руками за острые выступы и мелкую поросль.

Ортон и его спутники молча, соблюдая осторожность, стали взбираться на один из самых крутых утесов

Глава 13. Открытие

Появление Желтого вождя в его настоящем обличье на всех пленников произвело неодинаковое впечатление. Больше всего были поражены этим превращением те, которые раньше его не знали.

Блонт Блэкаддер, его сестра и Снайвли уже догадывались, что знаменитый Желтый вождь и Синий Дик, таким таинственным образом исчезнувший пять лет тому назад с плантации эсквайра Блэкаддера, есть одно и то же лицо. Когда это предположение подтвердилось, они поняли, что теперь окончательно погибли, очутившись во власти именно этого человека.

То же самое можно сказать и о тех неграх, которые находились на плантации Блэкаддера в тот роковой день, когда их молодой господин приказал положить под насос Синего Дика. Ведь они ненавидели мулата, пользовавшегося особым расположением старого эсквайра, а потому очень заносчивого, требовательного и жестокого к своим товарищам-невольникам, и не могли скрыть своей радости, когда он, по приказанию молодого массы, был сравнен с ними, унижен и подвергнут жестокому наказанию.

Теперь, видя, как он отомстил Блонту Блэкаддеру, эти негры почувствовали страшный трепет при мысли, что и они могут быть подвергнуты той же ужасной пытке.

Особенно трепетал негр-силач, который так усердно работал тяжелым рычагом насоса в день наказания Синего Дика. Он вполне основательно предположил, что Синий Дик припомнит это и оплатит ему за его усердие.

Показав пленникам свое настоящее лицо, Желтый вождь приказал отнести под водопад Снайвли и вкатить ему тоже «двойную порцию». Злополучный англичанин едва перенес пытку, которая была для него еще мучительнее, чем для Блонта, так как хлеставший поток ледяной воды страшно разбередил его рану на щеке, и она сильно раздулась и посинела. На бывшего надсмотрщика нельзя было смотреть без содрогания, до того ужасно стало его изуродованное лицо.

После Снайвли пришла очередь и силача-негра. Несмотря на толщину своего черепа, этот несчастный чернокожий испускал страшный вой от боли не только во время самой пытки, но и долгое время после нее.

Желтый вождь никого не забыл из тех, кто пять лет тому назад так радовались его унижению и наслаждались его страданиями; он всем им щедро оплатил «двойной порцией».

Подходя в сопровождении двух своих приближенных, Вабоги и того воина, который ему прислуживал, Синий Дик указывал на виновных, и их одного за другим клали под водопад.

Он оставил в покое только тех негров, которых не знал.

Пока происходила пытка водой, шайены ни на минуту не отходили от водопада, чувствуя неизъяснимое наслаждение при виде мук пытаемых. Против обыкновения индейцев, всегда сохраняющих невозмутимую серьезность при каких бы то ни было обстоятельствах, эти воины хохотали, как дети во время балаганных представлений, передразнивали корчи, стоны и крики несчастных жертв, прыгали и кривлялись от восторга.

Никогда еще мулат, ставший во главе индейцев благодаря своему уму, смелости и безграничной ненависти к бледнолицым, не казался шайенам таким достойным уважения и удивления, как в этот раз. Ни один из их прежних вождей не доставлял им такого интересного зрелища, как это; оно вполне соответствовало их жестоким нравам и удовлетворяло их ненасытную ненависть к белым.

Если пожилые индейцы и старались свято сохранять заключенные ими с белыми мирные договоры, то молодые никогда не упускали случая втихомолку, тайком от старших, мстить бледнолицым за захват земель своих предков.

Желтый вождь приобрел такую власть над шайенами не только благодаря описанным выше качествам и женитьбе на дочери их главного шамана — это тоже много значило, — но и тем, что то и дело предпринимал с ними смелые экспедиции против белых.

Сначала, когда пытали Блонда Блэкаддера, воины Желтого вождя думали, что это не более как особенная забава над белыми, придуманная вождем для развлечения своих сподвижников, но потом по крикам и судорожным движениям жертв поняли, что это его месть, и пришли в еще больший восторг.

Когда кого-нибудь уносили из-под водопада, воины плясали вокруг него с дикими возгласами и радостными завываниями. С каждой новой жертвой их возбуждение и энтузиазм все возрастали и возрастали.

Нужно сказать, что пытка водой хотя и очень мучительна, но убивает только после нескольких повторов, поэтому она нравилась шайенам и тем, что обещала неоднократное наслаждение.

Оставив пока в стороне белых пленниц, желтый вождь указал палачам на несколько старых негритянок, которые пять лет тому назад тоже оскорбили его своим злорадством и насмешками.

Негры, не бывшие на плантации Блэкаддера в то время, когда там находился Синий Дик, и вообще видевшие его в первый раз, успокоились; они поняли, что, быть может, избегнут страшной пытки.

И действительно, перепытав всех знакомых негритянок, Желтый вождь наконец махнул рукой и удалился в свой шатер. Вероятно, ему надоело это зрелище, судя по тому, что он ушел с выражением скуки на красивом лице. Всем можно пресытиться, даже местью.

Клара Блэкаддер в смертельном страхе ожидала, что вот-вот и ее повлекут к водопаду. Проходя мимо нее к другим пленницам, Желтый вождь каждый раз как-то особенно вглядывался в ее лицо. По этим взглядам молодая девушка поняла, что он узнал ее и что месть теперь неминуема.

В уме Клары вдруг мелькнула мысль бежать, как незадолго перед тем сделал Снайвли. Неудача, постигшая англичанина, не пугала девушку, притом ей благоприятствовало одно обстоятельство: она была очень слабо связана и каждую минуту могла освободиться от своих уз.

Индейцы никогда не связывают женщин так крепко, как мужчин, поэтому Кларе почти ничего не стоило освободить руки. Кроме того, она заметила, что ее лошадь приближалась к ней, как бы приглашая госпожу воспользоваться ею. Клара знала, что если она очутится в седле, то будет в состоянии состязаться с лучшими индейскими наездниками.

Молодая девушка решила, что пустится прямо по дороге в форт Бент, эту дорогу она хорошо запомнила во время движения каравана.

«Теперь или никогда!» — прошептала пленница, когда Желтый вождь удалился в шатер.

Лошадь была около нее. Клара уже начала потихоньку ослаблять веревку на руках и почти совсем было сняла ее, как вдруг Желтый вождь снова вышел из шатра.

На этот раз он был одет точь-в-точь так, как одевался на плантации. Все заметили, что он почти не изменился, только возмужал и окреп.

— Теперь, — насмешливо сказал он, остановившись перед пленниками, — вам не составит никакого труда узнать меня и убедиться, что Синий Дик каким был, таким и остался... А что касается вас, мисс Клара Блэкаддер, — продолжал он, обращаясь к молодой девушке, — то вам, вероятно, памятен тот день, когда вы, стоя на балконе, с таким равнодушным видом любовались на то, как ваш брат подвергал ни в чем не виновного человека самой ужасной и унижительной из всех пыток? Если бы в вас была хоть капля человечности, то вы не могли бы тогда не возмутиться этим ужасным зрелищем. Но у вас тогда не было человеческого чувства, поэтому не ищите его теперь и у меня. Я было хотел на сегодня прекратить эту забаву,

но мысль о том, что вы можете подумать, будто я вас не узнал или не считаю достойной моей мести, не дает мне покоя, и я возвратился с целью сказать вам: испытайте-ка теперь вы то, что испытал тогда я! При этом я должен добавить, что задумал отомстить вам еще и другим способом. Надеюсь, что водяной душ лишит вас охоты противиться мне. Ха-ха-ха! Как переменялись наши роли: пять лет тому назад ваш отец, ваш брат и вы имели меня в своей власти и делали со мною все, что вам хотелось; теперь же я сделался распорядителем ваших судеб, и в свою очередь сделаю с вами все, что мне вздумается. Очень жаль, что я не успел помешать моим молодцам отправить на тот свет вашего отца. Мне было бы гораздо приятнее, чтобы и он узнал, кто я, и повертелся бы тут передо мной под этим прекрасным водопадом. Но что делать: глупая случайность лишила меня удовольствия полюбоваться на его муки, зато это удовольствие с избытком доставите мне вы и ваш брат...

Молодая девушка побледнела, но не потеряла хладнокровия. Какое-то предчувствие говорило ей, что она будет спасена, и это поддерживало в ней мужество.

Предчувствие не обмануло ее. Едва палачи Желтого вождя или, вернее, Синего Дика, по его приказанию схватили ее и хотели нести к водопаду, причем она не оказала ни малейшего сопротивления и даже не издала ни единого звука, как одна из старых негритянок, более тридцати лет находившаяся в доме Блэкаддеров и только что перенесшая пытку под водопадом, пронзительно вскрикнула и подползла к Синему Дику.

– Оставьте мисс Клару! – вскричала она, уцепившись дрожащими пальцами за камзол мулата. – Не трогайте ее, Синий Дик, если не хотите совершить самого страшного из всех своих преступлений!

– Убирайся к черту, полоумная старуха! Что ты вмешиваешься не в свое дело! Или мало тебе попало под этой прекрасной водокачкой? Так я прикажу прибавить, – презрительно сказал Синий Дик, отталкивая негритянку ногой.

– Я не сумасшедшая, – возразила негритянка. – Уж если на то пошло, то я открою вам тайну: мисс Клара – ваша родная сестра!

– Моя родная сестра? Этого быть не может! – воскликнул мулат, невольно отступив назад.

Вабога и его товарищ выпустили из рук Клару и стали выжидать, что предпримет их вождь, узнав такую неожиданную новость.

– Говорю вам, Синий Дик, что это ваша сестра, – продолжала старуха. – У вас с нею один отец. Клянусь спасением моей души, что говорю истинную правду.

Синий Дик несколько минут простоял в глубокой задумчивости, но когда снова взглянул на Клару, она прочла в его глазах, что его чувства к ней несколько не изменились.

– Хороша сестра, нечего сказать! – со злым смехом произнес Синий Дик, бросив на молодую девушку молниеносный взгляд. – Сначала она сделала меня своей игрушкой, потом козлом отпущения и, наконец, рабом... Нет, я не признаю ни ее своей сестрой, ни ее отца своим отцом, потому что они сами не признавали меня! Я признаю только свою мать, которая, во всяком случае, не могла быть матерью этой красавицы с каменным сердцем... Это не моя сестра, а вон того негодяя, который ей вполне под пару! Нет, не сестрой моей она будет, а невольницей; я сделаю ее рабой моей жены, и она будет работать у нас, как раньше у нее работали ее невольницы... Пожалуйста, милая сестричка, попробуйте сначала того, на что вам было так приятно смотреть, когда это выпадало на долю других!

С этими словами Синий Дик сам схватил молодую девушку и повлек к водопаду.

Но ему тотчас пришлось выпустить ее из рук: старая негритянка, собрав остаток сил, вдруг вскочила на ноги, бросилась на него сзади и крепко стиснула его горло своими костлявыми пальцами.

С большим трудом удалось Синему Дику освободиться от цепких пальцев негритянки. Опрокинув ее на землю сильным ударом по голове, он снова обернулся к своей жертве, но та, к величайшему его изумлению, исчезла.

Воспользовавшись тем, что внимание всех было обращено на борьбу вождя с негритянкой, Клара Блэкаддер, ноги которой, к счастью, не были связаны, бросилась к своей лошади, перерезала заранее приготовленным перочинным ножом путы на ее ногах, вскочила в седло и во всю прыть понеслась к равнине.

Глава 14. Нападение

После долгих усилий, рискуя каждую минуту сорваться с кручи и слететь в пропасть, охотники достигли, наконец, вершины одного из утесов, возвышавшегося с задней стороны над лагерем индейцев.

Смельчаки молча пробирались между кустами и деревьями, росшими на вершине, а Ортон руководил ими, только подавая знаки.

Нед с каждой минутой все больше и больше волновался и терзался нетерпением. Он готов был бог весть на что, лишь бы скорее удостовериться, жива ли еще Клара Блэкаддер и невредима ли она.

Но вот охотники очутились наконец над головами индейцев и ясно могли слышать и видеть все, что у тех делалось. Они попали как раз к тому времени, когда старая негритянка принялась душить Желтого вождя.

О'Нил сразу заметил Клару и увидел, как она вскочила на лошадь и быстро поскакала к равнине.

– А! – прошептал он. – Она бежит! Я догоню ее.

И молодой человек хотел повернуть назад.

– Да ты с ума сошел. – Ортон схватил его за руку. – Разве ты не видишь, что за ней уже гонятся краснокожие? Неужели и тебе хочется попасть к ним в руки?

– Но нельзя же оставить ее! – вскричал Нед, забывая всякую осторожность и стараясь вырвать свою руку. – Ведь они ее поймают!

– Тише, тише, не горячись, – перебил старый охотник, зажимая ему рот рукой. – Дай сначала посмотреть, что будет дальше. Потом мы придумаем, как выручить ее. А пока все ложитесь.

С этими словами он заставил молодого человека и других спутников лечь на землю как можно ближе к краю утеса, между стволами деревьев, так, чтобы снизу никого не было видно. Потом лег сам и начал наблюдать за происходящим.

– Я угадал, там более половины пьяных, – шепнул он на ухо Неду. – С ними не трудно будет справиться. Стража при пленниках неважная, с ней мы тоже сладим. Остальные, которые могли бы оказать нам серьезное сопротивление, помчались за беглянкой. Не нужно будет даже стрелять, чтобы завладеть всеми находящимися тут краснокожими.

– Как же так? – недоумевал Блэк Гаррис. – Я что-то не понимаю тебя, дружище. Каким образом мы можем завладеть нашими врагами отсюда, не стреляя в них? По-моему, каждому из нас следовало бы взять по индейцу на прицел и постараться одним выстрелом свалить его с ног. Их теперь не более чем нас, считая даже пьяных.

– Нет, этого не следует делать, – возразил Ортон. – Я знаю тут один очень удобный спуск, по которому мы сможем незамеченными пробраться вниз. Все за мной!

И Ортон осторожно пополз вперед к большой трещине в скале, по которой во время ливней стекала вода, поэтому в трещине не было ни камней, ни растений, которые могли бы помешать спуску. Она была довольно крутая и гладкая, как ледяной каток, так что стоило только сесть на нее наверху, чтобы мигом очутиться внизу.

Трещина кончалась на дне глубокого оврага, поросшего густой травой. Когда все охотники один за другим скатились в этот овраг, Ортон подал им знак броситься на индейцев всем сразу и убивать их ножами.

Нападение было настолько внезапным, что краснокожие не успели даже сообразить, откуда вдруг появились враги, как были все перебиты к величайшей радости пленников, особенно чернокожих. Последние так шумно выражали радость, что белым пришлось остановить их, чтобы не обратить внимания индейцев, отправившихся в погоню за беглянкой.

Приказав пленникам не изменять своего положения и даже не освободив их от уз, Ортон распорядился побросать тела убитых краснокожих в овраг и уничтожить все следы кровопролития. В его новый план входило, чтобы Желтый вождь, руководивший погоней за Кларой Блэкаддер, по возвращении в лагерь не сразу заметил происшедшую в нем перемену.

— Теперь вот что, друзья мои, — обратился старый охотник к пленникам, — если кто-нибудь из вас издаст хоть один звук, то я тотчас же, ради спасения остальных, убью ослушника. Поняли? Ну, значит, ни гу-гу!

Затем он приказал нескольким из своих спутников переодеться в одежду индейцев и стать на месте убитых часовых, спиной к равнине, откуда должны были возвратиться участники погони за беглянкой, чтобы последние не могли сразу разглядеть лиц новых часовых.

Остальные охотники по распоряжению Ортона снова спрятались в овраге, где находились тела убитых. Таким образом, самый зоркий глаз не мог бы заметить ни малейших следов их пребывания в лагере.

Пока охотники устраивались в засаде, Клара Блэкаддер, голосом и пятками погоняя лошадь, во всю прыть неслась по равнине.

Сердце молодой девушки было наполнено двумя совершенно противоположными чувствами: радостью, что ей удалось бежать от индейцев, и боязнью, как бы снова не очутиться в их власти.

Казалось, и само благородное животное, несшее на своей спине беглянку, понимало, что спасение последней зависит от быстроты его бега. Закусив удила и вытянувшись во всю длину, лошадь неслась во весь опор, перескакивая через овраги и рытвины и через все те места, где трава была запутана и препятствовала быстрому бегу.

К несчастью, в числе лошадей переселенцев находилась еще одна такая же умная, сильная, выносливая и быстроногая лошадь, принадлежавшая Блонту Блэкаддеру. Этой лошадью и воспользовался Синий Дик для погони за ускользнувшей от него жертвой.

Молодая девушка слышала, что за нею гонятся, но, не оборачиваясь, продолжала подгонять кобылу, и без того несшуюся точно на крыльях.

Но вот лошадь нагонявшего ее всадника вдруг заржала. Клара по этому ржанию узнала коня брата и захотела взглянуть, кто на нем сидит. Одного полуоборота назад и быстрого взгляда, брошенного на всадника, было вполне достаточно, чтобы понять, кто ее преследует. Синий Дик немного опередил отряд индейцев и уже настигал беглянку.

Он немного опередил отряд индейцев и уже настигал беглянку

Молодая девушка поняла, что погибла, и сердце ее болезненно сжалось. От всякого другого ездока она могла бы ускакать, но только не от этого. Лошадь Блонта точно специально была создана для него и неслась подобно птице. Еще несколько минут, и бедная жертва снова окажется в руках своего палача.

И, действительно, вскоре раздался насмешливый голос ее преследователя:

– Напрасно вы так трудитесь, прекрасная сестрица: вам все равно от меня не уйти! Я сказал, что сделаю вас своей рабой, а слов своих на ветер я не бросаю. Да, я теперь такой же рабовладелец, каким был когда-то ваш отец, и не хуже его умею расправляться с рабами. Вы скоро убедитесь в этом. Теперь же позвольте избавить вас от напрасного, совершенно непроизводительного труда.

С этими словами Синий Дик догнал молодую девушку и ловким движением руки схватил ее лошадь под уздцы, так что животное сразу стало, как вкопанное.

Клара не сопротивлялась, она поняла, что это бесполезно.

Дав обеим лошадям немного передохнуть, мулат повернул их назад и мелкой рысью направил обратно к лагерю, не переставая дорогой подтрунивать над пленницей.

Молодая девушка молча сносила насмешки и глумление своего спутника, мысленно решив, что скорее откусит себе язык, чем удостоит Синего Дика хоть одним словом.

Она очень жалела, что впопыхах выронила ножик, единственное оставшееся у нее оружие, с помощью которого она теперь могла бы покончить с собой, так как дальнейшая жизнь не предвещала ничего, кроме стыда, позора и мучений.

Впрочем, мало ли есть способов избавиться от жизни, надо только уловить удобный момент! И молодая девушка решила выждать его.

Глава 15. Развязка

Солнце уже село, когда Синий Дик вернулся в лагерь со своей пленницей. Но несмотря на темноту, зоркие глаза мулата еще издали рассмотрели, что в лагере царит полный порядок: часовые и пленники на своих местах и все спокойно.

Только Синий Дик хотел спрыгнуть с коня на землю около входа в лощину, как вдруг услышал восклицание, заставившее его остаться в седле и, не выпуская поводья лошади беглянки, повернуть к тому месту, откуда это восклицание раздалось.

Дело в том, что индейцы, участвовавшие вместе со своим вождем в погоне за беглянкой, вздумали въехать в лагерь с задней стороны, то есть оттуда, где утесы составляли почти сплошную стену. Это было именно то место, в котором охотники оставили своих лошадей. Вид этих лошадей и заставил индейцев выразить свое удивление восклицанием, уловленным чутким ухом их вождя.

Подъехав к своим воинам, столпившимся вокруг множества привязанных лошадей, и взглянув на животных, Синий Дик сразу понял, что поблизости находятся белые. Но где именно: в самой лощине, или наверху?

Приказав двум воинам стеречь беглянку, мулат с остальными индейцами спрятался между деревьями, чтобы высмотреть, где находятся хозяева так неожиданно очутившихся здесь лошадей.

Если краснокожие были удивлены видом такого множества оседланных и бережно привязанных коней в этом месте, то и охотники, в свою очередь, не менее удивлялись внезапному исчезновению шайенов.

Овраг, в котором укрылись охотники, тянулся от подножия утесов до самого конца лощины, то есть до того места, где лощина сообщалась с равниной. В этом месте охотники и наблюдали за происходившим на равнине, ожидая возвращения краснокожих с пойманной беглянкой.

Ортон знал, что Кларе Блэкаддер не уйти далеко и что преследователи скоро ее поймут и приведут обратно в лагерь; поэтому он, несмотря на все настояния Неда, и не погнался за ними. Старик сообразил, что схватка с краснокожими на открытой равнине будет несравненно труднее, чем в лощине, из которой был только один выход. По этим соображениям Ортон и решил дожидаться возвращения индейцев в лагерь, чтобы напасть на них врасплох.

Краснокожих, конечно, так должно изумить неожиданное нападение вооруженных с головы до ног белых, что они не в состоянии будут даже защищаться, и их не составит труда перебить так же, как были перебиты их товарищи, бывшие в лагере.

Охотники решили не оставлять в живых ни одного индейца, и прежде всего уничтожить их вождя, с потерей которого воины так растеряются, что не окажут сопротивления.

– Смотрите, друзья, – внушал Ортон своим товарищам, – никого не щадить, потому что будь перевес на стороне индейцев, то и они нас всех перерезали бы как цыплят.

– Не беспокойтесь, Элайджа, никому не дадим спуска! – отвечал молодой ирландец, сверкая глазами и стискивая рукоятку ножа.

Неду было тяжело видеть, как индейцы гонятся за Кларой, и не иметь возможности помочь ей. Не будь Ортона, он, разумеется, не задумываясь бросился бы один на весь отряд шайенов, хотя бы только для того, чтобы Клара увидела его и поняла его чувства к ней, а там будь что будет! Но старый охотник властной рукой удерживал молодого человека от этой глупости и старался благоразумными доводами доказать, что если он так бесцельно пожертвует собой, то этим только лишит Клару единственного шанса к спасению.

Как мы уже говорили, Ортон наверняка рассчитал, что индейцы поймают беглянку и приведут ее для расправы в лагерь. А так как их в лагере ожидал неприятный сюрприз, то можно было быть уверенным, что до расправы над девушкой дело не дойдет.

Когда охотники заметили, что Желтый вождь действительно возвращается назад с пойманной беглянкой, радости их не было конца. Видя, что все предположения их предводителя сбываются, они уже заранее торжествовали победу. Но вдруг, почти при самом входе в лощину индейцы свернули в сторону, что-то прокричали и заставили даже своего вождя последовать за ними. Что бы это могло значить?

– Черт знает! Решительно не понимаю, что еще там случилось, – бормотал Ортон, больше всех пораженный неожиданным маневром индейцев и их вождя. – Не может же быть, чтобы они заметили наше присутствие здесь, потому что тогда они, наверное, сразу напали бы на нас... Не наткнулись ли они на наших лошадей? Но нет, и это едва ли. Лошади так хорошо спрятаны за деревьями, что их невозможно заметить издали. Вероятно, что-нибудь другое привлекло их внимание... Интересно узнать, что именно?

Нед испытывал прямо-таки адские муки. Видеть Клару, охраняемую теперь только двумя индейцами, так близко от себя, всего в каких-нибудь десяти саженях от входа в лощину, и не иметь возможности броситься к ней на выручку! Он с мольбой взглянул на своего друга.

– Потерпи еще немного, мой славный мальчик, – положив руку на плечо Неда, проговорил Ортон, угадывая его мучения. – Ты должен сам понять, что излишней стремительностью можешь все испортить. Стоит тебе только показаться индейцам, как они тотчас же ускачут вместе с пленницей, а тогда поминай как звали... Не вертись так, пожалуйста, и не выставляй дула своего карабина раньше времени. Еще не настолько темно, чтобы блеск металла его не мог быть замечен остроглазыми индейцами. Терпи и утешайся мыслью, что мы близки к цели, и что через каких-нибудь несколько минут все уладится само собой.

Действительно, не прошло и четверти часа, как оба индейца, конвоировавшие Клару, устав, очевидно, ждать возвращения вождя и остальных товарищей, направились к лагерю. Один держал за повод лошадь Клары, а другой ехал позади пленницы.

Вдруг, в тот момент, когда всадники въезжали в лощину, они были окружены толпой молчаливых фигур и в один миг сброшены с лошадей. Не успели шайены опомниться от удивления и вскрикнуть, как упали бездыханными.

Можно себе представить радостное изумление молодой девушки, когда она вдруг очутилась в объятиях того, одно воспоминание о котором было для нее отрадой и, вместе с тем, мукой в течение целых пяти лет! Предоставим читателю вообразить себе и восторг Неда, получившего, наконец, возможность прижать к груди ту, которая была ему дороже жизни, и которую он считал уже навсегда потерянной для себя!

Он узнал от пленников не только всю историю переселения Блэкаддеров, но и то, что Клара была еще совершенно свободна, а Блонт, хотя и не без насмешки, добавил, что сестра только им, Недом, все время и бредила и, конечно, очень довольна увидеть его в числе своих избавителей от рук индейцев.

Молодая девушка не сопротивлялась бурным ласкам обезумевшего от счастья молодого человека. Она сразу, только взглянув в лицо О'Нила, поняла, что он жертвовал ради нее своей жизнью, и уже одним этим завоевал себе право открыто выказать свои чувства к ней.

Но едва молодые люди успели обменяться несколькими бессвязными словами, как безжалостный Ортон насильно развел их. Он поместил Клару снова вместе с белыми пленниками, а Неда увлек на дно оврага. Предварительно, впрочем, старый охотник расспросил молодую девушку о причине исчезновения индейцев и узнал, что они, наткнувшись на лошадей охотников, засели возле них, чтобы высмотреть, где находятся хозяева этих лошадей.

– Ну, и пускай там сидят, – с улыбкой проговорил Ортон. – Посидят-посидят, да и вернутся сюда и, быть может, вместе с нашими лошадьми – это было бы очень кстати.

– Конечно, – заметил Гаррис, – нам не нужно будет самим ходить за ними. Пусть краснокожие стараются для нас, ха-ха-ха!

– погоди, дружище, – оборвал его Ортон, – не смейся прежде времени. Как бы нам не пришлось еще плакать.

– Они идут сюда с нашими лошадьми, – шепнул Нед, выглядывавший из оврага. – Впереди сам Желтый вождь.

– Ну, вот это хорошо! – сказал Ортон. – Спрячься скорее, Нед... Смотрите, друзья, не стрелять до тех пор, пока все мыши не очутятся в мышеловке, – обратился он к охотникам, указывая на котловину, окруженную, как мы уже знаем, с трех сторон утесами. – Я дам знак, когда следует стрелять, – продолжал он. – Желтокожего вождя я беру на себя. Если мне удастся освободить землю от такого чудовища, то это будет самым славным из всех моих подвигов... Ну, теперь молчок, ни гу-гу и ни малейшего движения! Лежите, как мертвые!

Охотники залегли на дно оврага и затаили дыхание. Ничто не выдавало их присутствия. Наступившую тишину нарушал только шум водопада да топот приближавшихся лошадей. Это было затишье перед бурей.

Убедившись, что поблизости не заметно никакого движения, индейцы решили, что охотники где-нибудь в лесу осматривают свои капканы, расставленные для поимки дичи. Синий Дик имел веские причины не встречаться с охотниками, а потому приказал только забрать всех лошадей и укрыть их в своем убежище; в случае же, если кому из охотников и придет фантазия искать коней в лощине, то с этими смельчаками там не трудно будет справиться.

Приближаясь к своему убежищу, индейцы предвкушали тот почет, какой ожидает их по возвращении к своему племени, когда там узнают, что они забрали в плен не только целый караван белых, но и привели с собой двадцать пять прекрасных, хорошо оседланных лошадей, снабженных кобурами с пистолетами и мешками с патронами. Кроме того, они пригонят человек пятьдесят негров, а это тоже недурная добыча, так как индейцы всегда охотно использовали чернокожих в качестве рабов. Вождь же индейских воинов упивался мыслью о своей скорой мести.

«Пусть теперь моя гордая сестрица испытает на самой себе всю сладость рабства! – говорил он. – Куда денется вся ее фанаберия, когда моя скво начнет хлестать ее бичом и заставит делать самую трудную работу! Но перед этим она напляшется у меня еще под водопадом, а потом я докажу ей и другим способом, что вовсе не считаю ее своей сестрой... О нашем родстве стоило заявить раньше, а не теперь, ха-ха-ха! Да, нельзя не сознаться, что этот поход был для меня весьма удачен!»

Солнце уже давно скрылось за вершиной утесов, когда Синий Дик въезжал в свой лагерь, зато поднялась луна, и при ее свете индейцы ясно могли видеть, что в лагере никаких перемен не произошло.

Тела двух последних убитых индейцев были охотниками убраны, а на месте часовых стояли трое охотников, переодетых в индейские костюмы. Синий Дик полагал, что воины, охранявшие Клару, уже привели ее в лагерь, так как вокруг лощины бродили их лошади.

Сердца скрытых в овраге охотников тревожно бились: наступал решительный момент.

Ортон взял ружье и прицелился, дав знак остальным охотникам сделать то же самое. Нед радостно улыбался при мысли, что еще несколько минут – и его возлюбленная Клара будет в полной безопасности.

– Вабога! – крикнул вдруг Синий Дик.

Вабога, убитый одним из первых, был в числе караульных, назначенных стеречь белых пленников.

Ответа, конечно, не последовало.

– Вабога! Где же ты? – продолжал молодой вождь.

Снова полное молчание.

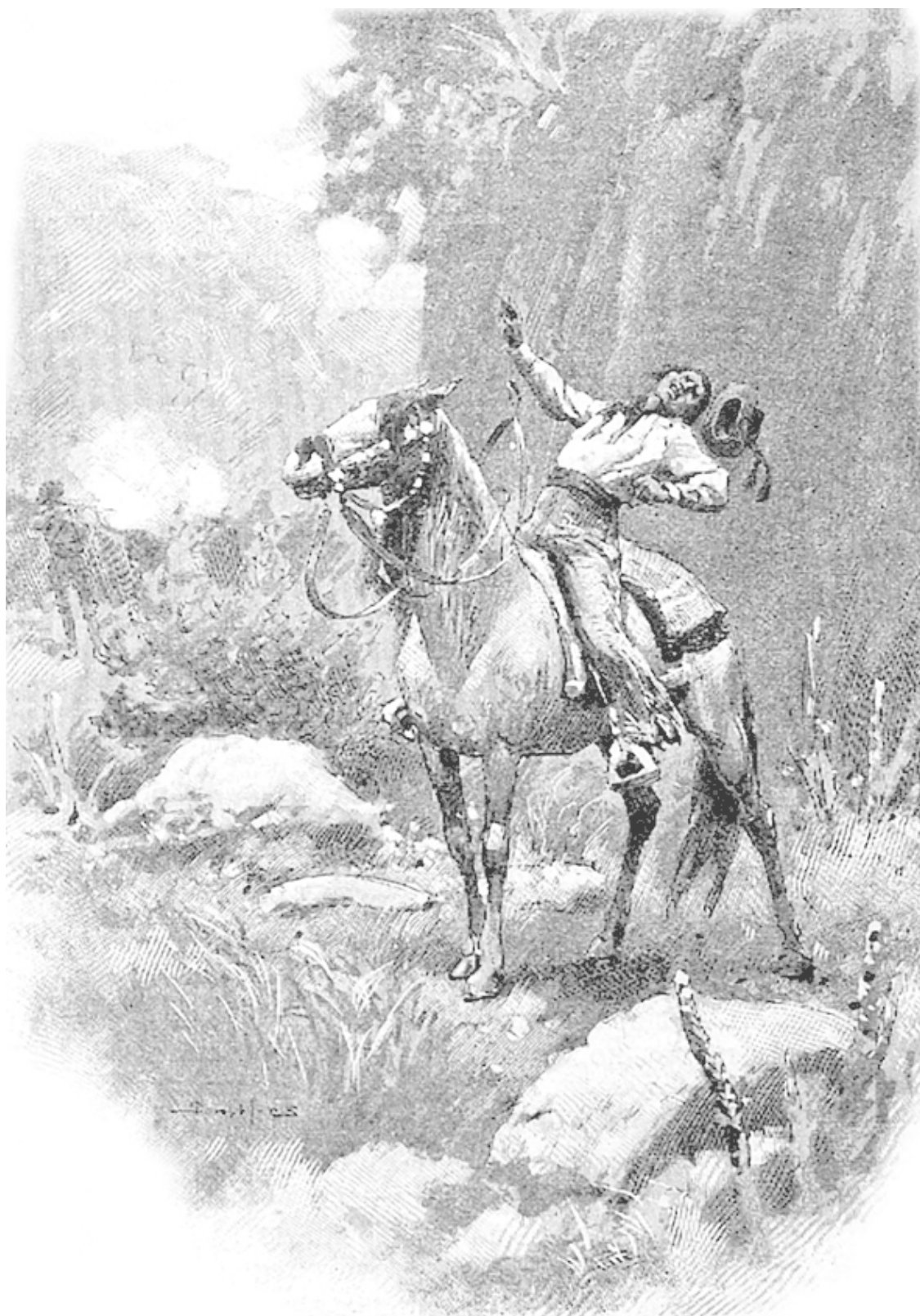
Вдруг из оврага выскочило множество людей, одновременно блеснул огонь и раздался оглушительный ружейный залп.

Синий Дик, пораженный в сердце двумя пулями, с глухим стоном упал с лошади; одна из этих пуль принадлежала Элайдже Ортону, другая – Эдварду О’Нилу.

Выстрелы остальных охотников были также метки – почти весь отряд индейцев poleg сразу и только очень немногие, уцелевшие при первом залпе, погибли от второго.

Не будем описывать радость освобожденных пленников, она понятна без пояснений.

Самыми же счастливыми были, конечно, Эдвард О’Нил и Клара Блэкаддер.

С глухим стоном он упал с лошади

Заключение

Рассказ наш окончен. Но он был бы не полон, если бы мы ничего не сообщили о дальнейшей судьбе наших героев.

О переселенцах и охотниках мы скажем кратко.

Переночевав в лощине, все переселенцы, за исключением Клары Блэкаддер, продолжили свой путь. Охотники проводили их до ближайшего форта. Отсюда шла прямая дорога в Калифорнию, которая была уже безопасной, поэтому переселенцы и охотники здесь дружелюбно распрощались. Первые направились далее, а последние разбрелись по окрестностям.

Что же касается главных героев, то о них мы должны рассказать несколько подробнее.

После смерти отца никто уже больше не мог воспрепятствовать Кларе Блэкаддер связать навсегда свою судьбу с судьбой Эдварда О'Нила.

Блонт был даже очень доволен, что избавился от необходимости заботиться о сестре, которой терпеть не мог; она тоже не любила его, поэтому они распростились друг с другом без сожалений.

Сон Элайджи Ортона, который он пересказал О'Нилу при первом нашем знакомстве с ними, сбылся в точности. Эдвард, действительно, оставил бродячий образ жизни. Отправившись со своей невестой в ближайший город, он обвенчался с ней и стал искать подходящую плантацию, чтобы приобрести ее в собственность.

У молодого человека имелся порядочный капитал, доставшийся от отца. Кроме того, Элайджа Ортон, тоже скопивший кое-что за свою жизнь, назначил своей наследницей Клару, так как у него самого не было ни детей, ни близких родственников.

Со стороны Неда было разумно не увозить жену-южанку на север Соединенных Штатов. Но он в равной степени проявил здравый смысл, продав свои имения в Ирландии и выгодно приобретя земли под застройку на острове, который американцы прозывают «Жемчужиной морей». Это остров Манхэттен.

Элайджа Ортон часто навещает своих «милых детей», как он называет счастливую парочку. Поговаривают, будто старый охотник обещал совсем поселиться у них, когда беспощадные годы заставят его, наконец, распрощаться с любимыми горами.

Одинокое ранчо, или Повесть о Льяно-Эстакадо

Глава 1. «Шляпы долой!»

В городе Чиуауа, столице северных провинций Мексики – городе, состоящем, по большей части, из грязи и расположенном посреди обширных пустынных равнин, которые обрамляют могучие багряные горы, равнин, население коих столь же скудно, сколь их лесной покров, – в старинном городе Чиуауа разворачивается первая сцена нашей истории.

Менее двадцати тысяч человек нашли приют в стенах этой северо-мексиканской метрополии, столь же малое количество обитает и в ее округе.

Некогда плотность населения была выше, но томагавк команча и копье апача прореживали потомков конкистадоров до тех пор, пока сельские дома не стало разделять изрядное пространство, а количество руин не сравнялось, если не превысило, с числом обитаемых жилищ.

Но одновременно слово «Чиуауа» навеивает странные и удивительные воспоминания. Когда слышишь это название, всплывает целая вереница причудливых образов, картин из приграничной жизни, совершенно отличных от тех, что присущи тому же захватывающему периоду из истории англо-американского фронта. Мы видим монаха в капюшоне и с крестом, и солдата, следующего за ним по пятам с мечом; старинное здание миссии с церковью и казармой гарнизона; свирепого дикаря, поддавшегося уговорам бросить кочевую жизнь и обратившегося в гнувшего спину пеона, чтобы спустя какое-то время восстать против системы рабства, которую даже религия не могла сделать терпимой. Мы видим неопита, поднявшего руку на своего духовного наставника и угнетателя одновременно. Мятеж этот был потоплен в крови и огне, в результате чего и миссия и военный *cuartel*² пришли в запустение, а краснокожий возвратился к своим скитаниям.

Такова история города Чиуауа и поселений в его округе. Но не вся она является хроникой давно минувших времен. Значительная ее часть применима и к дням сегодняшним – да, подобные сцены разыгрываются даже сейчас. Несколько лет тому назад странник, въезжающий в городские ворота, мог видеть несколько десятков приколоченных к перекладине предметов, очень похожих друг на друга и колыхающихся на ветру. Предметы эти напоминают пучки волос: длинных, густых и черных, словно вырванных из лошадиного хвоста или гривы. Но взялись они не оттуда – это людские волосы, а кусок кожи, на котором этот пучок удерживался, был содран с черепа человека! Это так называемые скальпы – скальпы индейцев, призванные показать, что диким команчам и апачам не все сходит с рук.

Рядом другие объекты, имеющие форму раковины – их подвесили рядками или низками, словно сушащийся перец. И нет сомнения, что как от перца, владельцы этих украшений плакали, лишаясь их, ибо это человеческие уши!

Эти жуткие сувениры представляют собой «платежные документы», предъявленные шайкой, подвиги которой уже запечатлены этим же самым пером. То трофеи «Охотников за скальпами», подтверждающие количество истребленных индейцев.

Они находились там менее четверти века назад, развеваемые суховеем, реющим над равнинами Чиуауа. И насколько автору известно, пребывают на своем месте и до сей поры – эти же самые, либо иные такие же кровавые свидетельства, повешенные взамен или в дополнение.

Но не об охотниках за скальпами пойдет теперь речь, а только о Чиуауа. Да и о нем распространяться особо не будем. Одна-единственная сцена, разыгрываемая сейчас на улицах города – вот и весь кусочек чиуауанской жизни, который будет изображен в этой повести.

² Лагерь, казарма (*исп.*).

Это зрелище представляет собой религиозную процессию – явление далеко не диковинное в Чиуауа, да и в любом мексиканском поселении. Напротив, оно настолько привычно, что увидеть его можно, по меньшей мере, раз в неделю. Относится оно к самым величественным сценам, потому что воспроизводит историю распятия Христа. В церемонии задействованы горожане всех классов, принимают в ней участие и солдаты. Роль вдохновителя и главного организатора исполняет, естественно, черное и белое духовенство. Ему такая инсценировка приносит хлеб – пусть даже и без масла, которого в Чиуауа не сыщешь, – умножает влияние и доходы благодаря продаже оловянных крестиков, изображений Богоматери и бесчисленного количества святых. В *función*³ участвуют обычные персонажи из Писания: Избавитель, влекомый к месту Страстей; крест, покоящийся на плечах мускулистого, смуглого Симона; Пилат-мучитель; Иуда-предатель – короче говоря, все более-менее выдающиеся лица, присутствовавшие, насколько нам известно, при событии, когда Сын Человеческий пострадал за грехи наши.

В Чиуауа есть, или по крайней мере был, американский отель – или заведение, содержащееся на американский манер, хотя на деле представляющее собой обычную мексиканскую гостиницу-посаду. Среди его постояльцев числился один господин, чужой как в этом городе, так и в стране. Его одежда и внешность в целом выдавали, что он из Штатов, и по тем же самым признакам можно утверждать о принадлежности сего джентльмена к южной группе оных. Если точнее, это кентуккиец, но в отличие от стереотипа, сложившегося о «кейнтукках» (как их называли на Западе), как людях высоких, плотных и дородных, человек этот был среднего роста, а телосложением мог потягаться с Аполлоном Бельведерским. Фигура его была крепко сбита, с соразмерными конечностями, лицо приятно, а черты привлекательны, но одновременно выражали уверенность и отвагу. Он носил дорогую гуаякильскую шляпу, а пальто – ей под стать, что свидетельствовало о его респектабельности. Все в нем говорило о человеке с достатком, а стиль и манеры безошибочно указывали на то, что перед нами прирожденный джентльмен.

Зачем оказался он в Чиуауа или откуда прибыл, никто не знал, да и не желал знать. Ограничимся тем, что он сейчас там и смотрит на процессию, проходящую мимо посадки.

Взирает он на нее без особого удивления – скорее всего, ему уже доводилось видеть подобное прежде. Нельзя проделать долгий путь по Мексике, не натолкнувшись на церемонию подобного рода.

Заинтересовало ли его это шествие или нет, но вскоре было замечено, что наблюдает он за ним не в надлежащей по меркам этой страны манере. Выглядывая из-за колонны на крыльце гостиницы, американец не счел нужным снять шляпу. Быть может, занимая он позицию более открытую взорам, то не поступил бы так. Фрэнк Хэмерсли – ибо так зовут этого джентльмена – не принадлежит к людям, склонным привлекать к себе внимание напускной бравадой, и, даже будучи протестантом самого либерального толка, избегает хоть в чем-то оскорбить чувства людей, принадлежащих к другому вероисповеданию. Пусть даже речь об этих проклятых римских католиках в этой проклятой Богом стране. То, что его «гуаякиль» остается у него на привычном месте, объясняется элементарной забывчивостью – ему даже в мысли не пришло снять головной убор.

Молча наблюдая за процессией, он ловит на себе осуждающие взгляды и слышит негромкий гул тянувшейся мимо толпы. Он понимает достаточно, чтобы узнать причину недовольства, но одновременно не желает унижать себя слишком поспешным подчинением. Гордый американец среди людей, которых приучен презирать, в том числе и за дурацкие суеверия – стоит ли удивляться, что Хэмерсли чувствует себя слегка задетым и изрядно рассерженным. Довольно склонять голову, думает он, намереваясь укрыться глубже за колонной.

³ Шествие, церемония (исп.).

Но слишком поздно. На него падает острый взгляд фанатика – фанатика, имеющего власть требовать покорности. Некий офицер, бородатый и шикарно одетый, едет впереди отряда улан. Стремительно поворачивает коня и гонит его к крыльцу посадки. В следующую секунду его обнаженная сабля описывает круг над покрытой головой кентуккийца.

– *Gringo! Alto su sombrero! Abajo! A sus rodillas!*⁴ – такие слова срываются с прячущихся за пышными усами губ копейщика.

Поскольку они не достигают цели, то тут же подкрепляются ударом сабли, который был нанесен плашмя, но с достаточной точностью и силой, чтобы «гуаякиль» завертелся по камням мостовой, а его хозяин вжался в стену.

Но отшатнулся он исключительно по причине неожиданности такого поступка. Через мгновение «гринго» выхватывает револьвер, и секунду спустя пуля выбила бы мозг дерзкого обидчика, если бы третий из участников сцены не подскочил сзади и не положил ладонь на руку кентуккийцу, предотвратив выстрел.

Поначалу Хэмерсли воспринимает это как появление очередного неприятеля, но в следующий момент осознает, что это было вмешательство друга – по крайней мере, миротворца, настаивающего на соблюдении правил.

– Вы не правы, капитан Урага, – заявляет незнакомец, обращаясь к офицеру. – Этот господин – чужестранец и не знаком с нашими обычаями.

– Тогда еретику самое время выучить их, и тем самым выразить уважение к святой церкви. Но по какому праву вы вмешиваетесь, полковник Миранда?

– Во-первых, по праву человечности, во-вторых, по законам гостеприимства, а в-третьих, потому что я старше вас по званию.

– Ба, вы заблуждаетесь! Не забывайте, сеньор коронель, что вы находитесь не на территории своего округа. Будь мы в Альбукерке, я бы подчинялся вашим приказам. Но тут Чиуауа.

– Чиуауа или нет, но вы ответите за свое самоуправство. Не воображайте, что ваш покровитель Санта-Анна является диктатором с полномочиями, способными покрыть гнусное поведение, подобное вашему. Вы запомнили, капитан Урага, что получили свои полномочия от нового правительства – правительства, которое считает себя ответственным за соблюдение не только писаных законов, но и кодекса чести. А также дипломатических приличий в отношении великой республики, гражданином коей этот господин, как я догадываюсь, является.

– Ба! – снова восклицает расфуфыренный нахал. – Растрачивайте свои слова перед теми, кто будет их слушать. Я не намерен останавливать процессию ни ради вас, ни ради вашего протезе-янки. Поэтому можете оба убраться к черту.

Выдав это милостивое разрешение, уланский капитан прищипривает коня и снова занимает место во главе отряда. Толпа, которую собрал этот волнующий эпизод, вскоре рассеивается, тем более что иностранный джентльмен, сопровождаемый своим благородным защитником, исчезает с крыльца, удалившись в гостиницу.

Процессия все идет, и ее неодолимая привлекательность манит ротозеев за собой. Большинство из них вскоре забывает сцену, которая в стране, где «закон не гарантирует жизни», является событием слишком частым, чтобы размышлять о нем или помнить сколько-нибудь продолжительное время.

⁴ Гринго, снимите шляпу! Вниз, на колени! (исп.)

Глава 2. Друг в опасности

Молодой кентуккиец наполовину цепенеет от перенесенного оскорбления. Горделивая кровь гражданина-республиканца кипит в жилах. Как ему поступить? В замешательстве перед этой дилеммой он адресует этот вопрос господину, который, вне всякого сомнения, уберег его только что от совершения убийства.

Господин этот совершенно незнаком Фрэнку – он никогда не встречал его прежде. На вид лет тридцати, на голове широкополая шляпа, суконная куртка, штаны-кальсонерос с разрезами, талия перехвачена красным креповым шарфом – короче говоря, костюм мексиканского ранчеро. Однако угадывается в его обличье нечто военное, что согласовывается с тем обращением, которое использовал капитан улан.

– Кабальеро, если собственная безопасность хоть что-то значит для вас, – отвечает полковник, – я бы советовал не раздувать имевший недавно место инцидент, как бы сильно ни задел он вас, в чем у меня нет сомнений.

– Простите, сеньор, но ни за что на свете не могу я последовать вашему совету. Даже ради спасения жизни. Я ведь американец, кентуккиец. Мы не принимаем удары, не дав хоть что-то взамен. С меня причитается сдача.

– Если вы надеетесь расквитаться при помощи закона, вынужден предупредить – едва ли стоит на него рассчитывать.

– Это мне известно. Закон! Я о нем даже не думал. Я джентльмен, и насколько понимаю, капитан Урага тоже считает себя таковым, поэтому не откажется предоставить мне обычную сатисфакцию.

– Может и откажется, и даже, скорее всего, так. Под тем предлогом, что вы иностранец, всего лишь варвар: *Tejano*⁵ или гринго, как он вас называет.

– Я здесь одинок. Как мне поступить? – кентуккиец обращается наполовину сам к себе, и лицо его выражает крайнюю степень досады.

– *Fuez*⁶, сеньор! – отзывается мексиканский полковник. – Если вы настаиваете на *desafio*⁷, то думаю, что могу ее вам устроить. В результате своего вмешательства я чувствую себя до некоторой степени втянутым, и если вы согласитесь взять меня секундантом, полагаю, смогу поручиться за то, что капитан Урага не посмеет нам отказать.

– Полковник Миранда – так, понимаю, вас зовут? Стоит ли мне пытаться выразить свою благодарность за такое великодушие? Я не могу, не способен. Вы устранили главное препятствие на моем пути – я ведь чужак не только для вас, но и для всех прочих тут. В Чиуауа я прибыл только вчера и не знаю ни души в этом городе.

– Довольно. Отсутствие секунданта не омрачит вашу дуэль. Для начала, могу ли я поинтересоваться, насколько искусны вы в обращении с клинком?

– Достаточно, что бы поставить на это умение мою жизнь.

– Я спросил, потому как именно это оружие, скорее всего, выберет ваш противник. Вызывать предстоит вам, поэтому выбор, естественно, за ним, а он будет настаивать на холодном оружии по причине, которая вас, возможно, позабавит. Среди нас, мексиканских дворян, бытует поверье, будто вы, американцы, несколько *gauche*⁸ в обращении с рапирой, тогда как про вашу ловкость по части пистолетов нам известно. Я считаю капитана Урагу

⁵ Техасец (исп.).

⁶ Правильнее, видимо, будет *vaуа* – «Ну же» (исп.).

⁷ Дуэль (исп.).

⁸ Здесь: неловкий, неуклюжий (фр.).

трусом, которому нет равных среди носящих эполеты, однако он встретится с вами из-за меня. А быть может, отважился бы и так, будучи уверен в том, что вы – плохой фехтовальщик.

– Тут его может ожидать разочарование.

– Рад это слышать. Теперь остается только выслушать ваши инструкции. Я готов действовать.

Инструкции получены, и не проходит и двух часов, как капитан Хиль Урага из Сака-текасского уланского полка уже получает вызов от кентуккийца, носителем которого выступает полковник Миранда.

При таком раскладе уланскому офицеру не остается иного выбора, как согласиться, что он и делает с холодной уверенностью, причину которой Миранда угадал. «Техано, – думает капитан. – Что известно ему о шпаге?»

И шпаги были определены в качестве оружия. Знай офицер сакатекасских улан про то, что его будущий противник провел значительную часть жизни среди креолов Нового Орлеана, он не был бы так уверен в незыблемости своих шансов.

Нам нет нужды описывать дуэль, которая, в отличие от многих других поединков, велась с обеих сторон с угрюмой и смертоносной решимостью. Довольно отметить, что молодой кентуккиец выказал искусство, лишившее Хиля Урагу передних зубов и оставившее на его щеке уродливый шрам. Офицер сумел выкрикнуть изуродованным ртом «*Basta!*»⁹, и на этом все кончилось.

– Сеньор Хэмерсли, – промолвил человек, так кстати ставший другом Фрэнка, когда вернувшись с поединка, оба распивали в посаде бутылочку вина из Пасо. – Могу я поинтересоваться, куда намерены вы отправиться, покинув Чиуауа?

– В Санта-Фе, что в Нью-Мексико. А оттуда в Соединенные Штаты с одним из возвращающихся караванов.

– И когда собираетесь выехать?

– Что до этого, то временем я не связан. Караван, с которым я пойду через прерии, не тронется в путь еще полгода. А до Санта-Фе ведь не более месяца пути, не так ли?

– Даже менее. Вопрос не в том, когда вы прибудете туда, а когда уедете отсюда. Советую выступить немедленно. Согласен, двух дней маловато для осмотра достопримечательностей даже такого маленького городка как Чиуауа. Но одну из них вы уже видели, и я думаю, ей можно ограничиться. Если вы внимаете моему совету, то удовольствуетесь уже достигнутым и отряхнете густую пыль Чиуауа со своих ног прежде, чем очередные двадцать четыре часа успеют пролететь у вас над головой.

– Но почему, полковник Миранда?

– Потому что чем дольше вы остаетесь здесь, тем больше рискуете расстаться с жизнью. Вы не знаете характера человека, с которым скрестили клинки. Я же знаю. Пусть он и надел мундир нашей армии, но это простой *salteador*¹⁰. И трус, как я вам уже говорил. Урага ни за что не стал бы драться с вами, дай я ему хоть малейший шанс улизнуть. Возможно, им руководило искушение одержать легкую победу благодаря вашему предполагаемому недостатку умения. Это дало бы ему повод похвастать в обществе местных дам, ведь капитан Хиль считает себя великим сердцеедом. Вы пожизненно изувечили его физиономию, и пока эта жизнь длится, он не забудет и не простит вас. Часть этой ненависти распространится и на меня, а потому обоим нам следует его остерегаться.

– Но как он способен нам навредить?

– Кабальеро, этот вопрос показывает, что вы пробыли в нашей стране слишком недолгое время и не знаете ее порядков. У нас в Мексике заведены вещи, которые среди вашего

⁹ Хватит! (исп.).

¹⁰ Разбойник (исп.).

народа не в ходу. Имейте в виду, что стилеты тут продаются задешево, как и рука убийцы, которая им пользуется. Вы меня понимаете?

– Вполне. Но как посоветуете вы мне поступить?

– Так же, как намереваюсь поступить сам – уехать из Чиуауа сегодня же. Нам по пути до Альбукерке, где вы благополучно избегнете сей небольшой угрозы. Оттуда мой путь лежит в город Мехико, по правительственным делам. При мне имеется эскорт, и если вы не против, он с удовольствием возьмет под охрану и вас.

– Полковник Миранда, я в очередной раз не знаю, как благодарить вас. И принимаю ваше дружеское приглашение.

– Приберегите благодарности до поры, пока я не окажу вам услугу, которая выходит за пределы простого долга вежливости джентльмена, видящего другого джентльмена в затруднении, возникшем не по его вине. Но довольно, сеньор, не будем тратить времени на разговоры. Быть может, в эту самую минуту на нас точат пару кинжалов. Собирайте вещи немедленно, потому как я выезжаю за два часа до заката – в здешнем зное мы привыкли путешествовать в вечерней прохладе.

– Я буду готов.

На исходе того же дня, за два часа до захода солнца, группа всадников, облаченных в мундиры мексиканских линейных драгун, миновала *garita*¹¹ Чиуауа и двинулась по дороге на север, ведущей в Санта-Фе через Эль-Пасо-дель-Норте. Полковник Миранда, сменивший костюм ранчero на повседневную форму кавалерийского офицера, скакал впереди, а рядом с ним ехал чужестранец, за которого он так благородно и отважно вступился.

¹¹ Сторожевая будка (исп.).

Глава 3. Полковник-коммандант

Шесть недель прошло со дня дуэли в Чиуауа. Двое мужчин стоят на асоте большого особняка, расположенного близ Альбукерке, церковный шпиль которого виднеется сквозь листву деревьев, окружающих усадьбу. Это полковник Миранда и молодой кентуккиец, уже некоторое время живущий у него в гостях, потому как гостеприимство благородного мексиканца не закончилось с отъездом из Чиуауа. После трехнедельного утомительного путешествия, включавшего печально знаменитый «Переход мертвеца», офицер распространил радушный прием на свой дом и округ, военным главой которого он являлся: в Альбукерке был расквартирован в ту пору отряд солдат с задачей охранять город от индейских набегов.

Дом, на крыше которого стоят эти двое, является для полковника Миранды родным, и представляет собой родовую усадьбу, центр обширного земельного владения, протянувшегося вдоль Рио-дель-Норте и уходящего в направлении Сьерра-Бланка, вглубь почти неосвоенных территорий.

Помимо офицерской должности в мексиканской армии, полковник занимает место в числе *ricos*, то есть богачей страны. Дом, как упоминалось выше, представляет собой большое, массивное сооружение с подобающей всем мексиканским зданиям такого класса плоской крышей, или асотеей. Также, согласно заведенному в стране порядку, крышу опоясывает *mirador*, или бельведер. Поскольку усадьба располагается всего в полумиле от солдатской казармы, коммандант считал возможным использовать ее в качестве штаб-квартиры. На это указывает немногочисленный караул в сагуане, то есть крытом привратном помещении, а также – часовой, занявший пост с наружной части ворот.

Дом не служит приютом семье: жене, возлюбленной или ребенку, поскольку полковник, человек еще молодой, холост. Пеоны в полях, грумы и их помощники на конюшне, а также домашняя прислуга, мужская и женская, принадлежат к расе, известной как «*Indios mansos*» – это покорный смуглокожий народ.

Но хотя в этих стенах в данный момент нет дамы, легкие шаги которой оглашали бы приют коменданта, в главной зале висит портрет прелестной девушки, и американский гость не раз в молчаливом восхищении любителю им. Полотно содержит признаки того, что написано оно недавно, и это неудивительно, потому как на нем изображена сестра полковника Миранды. Она несколькими годами младше брата и сейчас навещает родственников в отдаленной части республики. Фрэнк Хэмерсли никогда не останавливается на изображении взглядом без страстного желания увидеть оригинал наяву.

Два джентльмена на крыше предаются приятному безделью, покуривая сигары и наблюдая за водоплавающими пернатыми, ныряющими и плескающимися на лоне широкого и неглубокого потока. До них доносится хриплое карканье пеликанов и пронзительные крики цапель-гуайя. Час вечерний, когда эти птицы становятся особенно шумными.

– Значит, завтра вы уезжаете, сеньор Франсиско? – восклицает хозяин, вынимая из рта сигариллу и устремляя на кентуккийца вопросительный взгляд.

– Ничего не поделаешь, полковник. Караван, к которому я рассчитываю примкнуть, выходит из Санта-Фе послезавтра, и мне самое время поспешить. Если промедлю, другого шанса может не представиться много месяцев, а в одиночку прерии не пересечешь.

– Что же, полагаю, придется лишиться вашего общества. Мне жаль, и больше всего самого себя, ибо как видите, я тут в некотором роде одинок. Здесь нет никого из моих офицеров за исключением нашего старого *medico*, доктора – компания хоть куда. Да, дел у меня, как вы могли заметить за это время, хватает – мне следует приглядывать за нашими сосе-

дями, *Indios bravos*¹². Зная, что в моем распоряжении лишь костяк полка, они смелеют с каждым днем. Мне остается только мечтать заполучить под свою руку десятка два или три ваших отважных трапперов, которые гостят ныне в Альбукерке. Впрочем, скоро тут будет моя сестра, а в этой отважной девчонке столько жизни, пусть даже она еще так молода! Что за веселое создание – неукротимое, как только что пойманный мустанг! Как бы я хотел, дон Франсиско, чтобы вы задержались и познакомились с ней. Уверен, вы были бы рады встрече.

Исходя из предположения, что портрет на стене отражает хотя бы отдаленное сходство, Хэмерсли ни на миг не сомневается в правоте мексиканца. Это, впрочем, личное умозаключение, и он не собирается озвучивать его.

– Остается уповать на новую нашу встречу, полковник Миранда, – искренне заверяет Фрэнк. – Не имей я такой надежды, расставался бы с вами с куда большим сожалением. Честно сказать, у меня более чем предчувствие, что мы увидимся снова, так как я принял одно твердое решение.

– Какое же, дон Франсиско?

– Вернуться в Нью-Мексико.

– И поселиться в нем?

– Не совсем так. Осесть на время – достаточное, чтобы обзавестись партией товаров в обмен на мешок ваших больших мексиканских долларов.

– О, так вы собираетесь заделаться одним из прерийных торговцев, не так ли?

– Да. Именно это намерение привело меня в вашу страну. Я достаточно взросл, чтобы думать о призвании, и всегда тешил себя мечтой вести полную приключений жизнь торговца в прериях. Поскольку средств у меня достаточно, чтобы обзавестись собственным небольшим караваном, я решил-таки попробовать. Эта моя поездка была всего лишь опытом и разведкой. Результатами я удовлетворен, и если не произойдет ничего непредвиденного, вы снова увидите меня в Дель-Норте прежде, чем мы с вами станем старше на двенадцать месяцев.

– Тогда и впрямь есть надежда на новую встречу с вами. Я рад этому. Однако, дон Франсиско, – продолжает хозяин, вдруг посерьезнев, – позвольте сказать вам кое-что, пока не забыл. Это совет, или предупреждение, если угодно. Я заметил, что вы слишком беспечны, слишком равнодушны к опасности. А та не всегда кроется в прериях или исходит от краснокожих дикарей. Она в немалой степени гнездится здесь, среди роскоши так называемой цивилизации. Путешествуя по нашей стране, не забывайте про вашего недавнего противника и непрестанно берегитесь его. Я дал вам несколько намеков относительно характера Хиля Ураги. Но не сказал всего. Этот человек хуже, чем вы способны себе представить. Я хорошо его знаю. Видите тот домик на той стороне реки?

Хэмерсли кивает.

– В той хижине он родился. Отец его был из тех, кого мы называем пеладо – бедняк, настоящий голодранец. Хиль такой же, только хуже. В своем родном краю он оставил за собой след хорошо известных преступлений и других, в которых его только подозревают. Короче говоря, Урага был настоящим грабителем. Вас наверняка удивляет, как мог такой человек стать офицером нашей армии. Это потому, что вы не осведомлены об особенностях нашей службы, как и нашего общества. Они – не что иное, как результат постоянных перемен в нашей политической системе. И все-таки вас удивит, быть может, что свой патент он получил от патриотической партии – самой настоящей, – которая стояла у власти тогда, как и теперь. Это необъяснимо даже для меня, потому как я знаю, что Урага предаст наше дело, как только сочтет это выгодным для себя. Но одновременно мне известен ответ. Существует власть, даже если партия, обладающая ей, не находится у руля. Она осуществляется втихую

¹² Непокоренные индейцы (исп.).

и под шумок. Речь о нашей иерархической верхушке. Хиль Урага является одним из ее оружий, поскольку эту силу как нельзя лучше устраивают его низменные инстинкты и вероломный характер. Если придет день для нового пронунсиамента¹³ против наших свобод, – не дай Бог! – этот негодяй окажется в первых рядах предателей. Каррай! Не могу думать о нем иначе, как с содроганием и отвращением. Способны ли вы поверить, сеньор, что этот субъект, заполучив себе на плечи эполеты, – явно за какие-то подлые услуги, – имел дерзость просить руки моей сестры? Адела Миранда в подвенечном наряде рядом с Хилем Урагой! Да я предпочел бы увидеть ее в погребальном саване!

¹³ Военный переворот – в Испании и латиноамериканских странах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.